

Узнавший детектив

Г•А•Л•И•Н•А
—
КУЛИКОВА

Спасите звезду,
или Блондинка за левым углом

Пиковая дамочка Лайма Скалбе

Галина Куликова

**Спасите звезду, или
Блондинка за левым углом**

«ЭКСМО»

Куликова Г. М.

Спасите звезду, или Блондинка за левым углом /

Г. М. Куликова — «Эксмо», — (Пиковая дамочка Лайма Скалбе)

ISBN 978-5-699-43791-7

Пиковая дамочка Лайма Скалбе в очередной раз встретила мужчину своей мечты. Но быть вместе влюбленные не могут. А всему виной секретное задание, которое сейчас выполняет Лайма. Оно забирает все ее время и мысли. Ей, как руководителю группы «У», приходится нелегко – нужно держать под контролем всю операцию по охране прибывшей в нашу страну голливудской знаменитости – Сандры Барр. От своего шефа группа «У» получила задание: не спускать глаз с кинодивы, ее якобы должны похитить. Через какое-то время проницательная Лайма понимает, что они стерегут не Сандру, а ее двойника. Так куда же делась настоящая Сандра Барр? Выяснить это оказалось не проблема. Настоящую Сандру уже похитили... Красотка со знанием иностранных языков Лайма Скабле, компьютерщик Корнеев и бывший десантник Медведь разобьются в лепешку, но спасут кинодиву. Причем сделают это легко и красиво! Такие люди нужны стране!

ISBN 978-5-699-43791-7

© Куликова Г. М.

© Эксмо

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Галина Куликова

Спасите звезду, или Блондинка за левым углом

Глава 1

Рабочий стол был длинным, как взлетная полоса. Он дурно влиял на секретаршу, рождая в ней непомерное чувство собственной значимости. Благодаря этому канцелярскому бастиону она ощущала власть над всяким, кто входил в приемную, и наслаждалась ею.

Нежданную посетительницу секретарша зорко оглядела с ног до головы. Красивая блондинка! Не из тех, что вскормлены экологически чистыми продуктами, напитаны французской минеральной водой и обряжены в эксклюзивные тряпки. У этой точно нет надежного тыла. Никто не оплачивает ее маленькие глупые прихоти. Вероятно, у нее и прихотей-то особых нет. Уж слишком деловой и самостоятельной она выглядит. Скромный костюмчик, туфли на низком каблуке, светлая помада. Волосы забраны в незамысловатый пучок. Войдя в приемную, блондинка широко улыбнулась, как будто увидела старую подругу.

Секретарше было далеко за тридцать, и она до сих пор не смогла устроить личную жизнь. Ей казалось, что другие женщины не испытывают подобных проблем, и ненавидела их за это. Блондинку она тоже сразу возненавидела. Потому что шеф, узнав, что пришла Лайма Скалбе, – именно так звали эту штучку! – велел пропустить ее немедленно и даже перенес совещание, которое должно было начаться с минуты на минуту.

Прежде чем войти в кабинет Шаталова, Лайма сделала глубокий вдох, готовясь к испытанию. Скорее всего, опять придется врать. Но делать это надо мастерски, потому что даже самый выдержанный мужчина, сообразив, что его водят за нос, немедленно забывает о великодушии и хороших манерах.

– Лайма! – воскликнул Шаталов, выбираясь из-за стола, заваленного бумагами. – Вот так сюрприз!

Геннадий Шаталов недавно развелся и некоторое время пребывал в убеждении, что женщины еще долго будут вызывать у него недоверие и даже отвращение. Однако, встретив Лайму, забыл о пережитых неприятностях: сильные чувства с поразительной быстротой расправляются с доводами рассудка.

– Я унесла твой мобильный телефон, – призналась она и протянула упомянутый предмет хозяину. – Ты отключил все сигналы, поэтому я его не сразу обнаружила. Случайно сунула его в сумку, когда звонила бабушке. Извини, пожалуйста.

Она выглядела великолепно. Даже несмотря на свой скучный костюм и пуританскую прическу. Глаза у нее были ясные, лучистые, скулы высокие, рот крупный, с полными губами, такими притягательными, что у Шаталова начинало ныть в груди, как только он задерживал на них взгляд. А какие у нее ноги! Стройные, с тонкими щиколотками и крутым подъемом. Такие ноги нужно рассматривать как национальное достояние. Кроме всего прочего, Лайма была умной и чертовски милой. То есть казалась совершенной во всех отношениях, однако...

Однако у нее была тайна. Шаталов знал это абсолютно точно. Лайма Скалбе жила очень странной жизнью: вела таинственные телефонные переговоры, срывалась с места в любое время дня и ночи, надолго выпадала из его поля зрения и вдобавок ко всему имела в своем распоряжении дюжину машин, разъезжая то на раздолбанной колыхаге, то на новенькой иномарке. Порой ее сопровождали подозрительные типы, прятавшие лица, когда он пытался их как следует рассмотреть.

Шаталову никак не удавалось выяснить, чем она занимается. Лайма говорила, что служит в Независимом центре культуры заместителем директора. Недавно власти выселили центр из старого доходного особняка и теперь подыскивают для него другое помещение, попроще. Именно с этими пертурбациями, уверяла Лайма, и связаны все ее сегодняшние проблемы – беготня и нервотрепка. Шаталов ей не верил. Невзирая на нежные отношения, эта женщина скрывала от него нечто важное.

В настоящий момент он смотрел в ее ясные глаза и видел там космос – миллиарды парсеков разреженного пространства с припрятанными в глубинах неведомыми мирами.

– А я решил, что трубку у меня свистнули, – весело признался он, проверяя, сколько пропустил звонков. – Кстати, Лайма, как насчет того, чтобы перебраться ко мне? Мы мечемся из твоей квартиры в мою, как-то глупо получается.

У Шаталова была та мужественная внешность, которая привлекает прекрасный пол гораздо сильнее, чем просто смазливая физиономия. Его жесткий и внимательный взгляд раскалывал женские сердца, словно орехи, оставляя их обладательницам жалкие скорлупки. Мощный, идеальной формы подбородок выдавал несокрушимого упряма. Именно такого мужчину особенно хочется заставить страдать. Чтобы он наконец поддался чувствам.

– Переехать к тебе? – переспросила Лайма, ощутив внезапную дрожь в коленках.

Она никак не могла переехать к Шаталову. Это исключено. Невозможно! Но вдруг он смертельно обидится и бросит ее? Разрыва ей не пережить. Этот мужчина нравился ей очень сильно, так сильно, что она готова была лгать и изворачиваться до последнего.

– Э-э-э... – протянула она. Шаталов отчетливо понимал, что в голове ее со страшной скоростью прокручиваются возможные варианты ответов. Наконец она подобрала наиболее удачный, вскочила на ноги, шагнула вперед и положила руки ему на плечи. Взгляд ее сделался по-детски завиральным. – Конечно! Это замечательно. В самом деле замечательно! Мы так и сделаем. – Геннадий незаметно перевел дух. – Только завтра. Потому что сегодня у меня дела, и я понятия не имею, когда вернусь. Согласись, глупо планировать столь серьезный шаг, не представляя, в котором часу освободишься.

– Завтра? – переспросил Шаталов, а про себя безрадостно подумал: «Все, как я и ожидал».

В голову лезли отвратительные мысли. Она – продажная женщина и по ночам надевает чулки в сеточку, вызывая клиентов по телефону в спальню с шелковым балдахином. Или нет. Она – мошенница. Завлекает и обворовывает состоятельных мужчин, предварительно опоив их какой-нибудь дрянью. Она находит их в ресторанах или гостиницах, флиртует, потом поднимается в номер люкс...

– Завтра я буду точнее знать свой распорядок дня, и мы все-все распланируем! – с фальшивым оптимизмом добавила Лайма.

– И ты перевезешь ко мне свои вещи? Любимую чашку, кактусы, кошку...

– У меня аллергия на кошек, – мгновенно среагировала Лайма.

– Но в принципе ты согласна?

– Да, милый, да!

Она вся светилась радостью, как будто только что получила предложение руки и сердца. Подумав об этом, Шаталов непроизвольно засунул руки в карманы – на безымянном пальце все еще белел след от тесного обручального кольца, с которым он расстался без всякого сожаления.

– А сейчас – извини, я очень спешу, – сказала Лайма, потянувшись к нему и горячо поцеловала.

Потом достала помаду, мазнула по губам, несколько раз соединила и разъединила их, чтобы распределить цвет как надо, и в качестве заключительного аккорда щелкнула замком сумки.

– Пока, милый! Я так рада, что мы не стали дожидаться вечера и выяснили все прямо сейчас.

– Я тоже ужасно рад, – соврал Шаталов, который после работы собирался купить бутылку коньяка, напоить Лайму и встряхнуть из нее правду. Один раз он уже предпринял такую попытку, но его жертва очень быстро потеряла человеческий вид и после нескольких рюмок спиртного свалилась замертво.

Едва за Лаймой закрылась дверь, Шаталов бросился к столу, выключил компьютер и спрятал важные бумаги в сейф. Решительно вышел из кабинета, бросив секретарше на ходу:

– Меня не будет до завтра, Наталья.

– Хорошо, Геннадий Борисович, – ответила та подобострастным тоном.

Но при этом поджала губы. Еще бы не поджать! Приходит незнакомая блондинка, и шеф стремглав убегает вслед за ней из офиса, хотя на вечер запланировано столько важных встреч! Впрочем, он еще пожалеет. Потому что красивые женщины подобны нечестным деньгам – устоять перед ними невозможно, но рано или поздно они обязательно принесут несчастье.

Тем временем Лайма села в неприметную машину с пыльными боками и вырулила со стоянки. Следить за ней было нетрудно – она ездил неторопливо, держась середины шоссе, как старый кучер, управляющий двуколкой. Шаталов подождал, пока ее машина вольется в поток транспорта, и двинулся следом. Отпустил ее от себя довольно далеко – на всякий пожарный. Сейчас между ними был с десяток автомобилей, сбивавшихся на светофорах в тесную стаю.

Через некоторое время стало ясно, куда лежит их путь. В международный аэропорт, вот куда. Шаталов напрягся. Что, если Лайма охотится не на отечественных бизнесменов, а на богатых иностранцев? Впрочем, он тут же отогнал от себя эту мысль. Никто не поедет охмурять миллионера в офисном костюме и практически без макияжа. Нет, тут дело в другом. Может быть, она контрабандистка? Встречает курьеров, которые возят через границу наркотики или бриллианты? Это больше похоже на правду. Выходит, женщина его мечты – преступница? Шаталов не хотел в это верить. Но решил выяснить все до конца. Или пан, или пропал.

Очутившись в здании аэропорта, он сразу же метнулся в сторону, туда, где толпились люди, чтобы Лайма, случайно оглянувшись, его не засекала. Смешавшись с толпой, он стал наблюдать за ней издали.

Примерно четверть часа она дефилировала по залу со скучающим видом. Ждала кого-нибудь? Шаталов купил газету, развернул ее и заслонился шуршащей бумагой, отчаянно мешая всем, кто проходил мимо. Но вот Лайма посмотрела на часы и направилась к киоску, торгующему разными мелочами, которые могут пригодиться путешественнику в дороге. Шаталов сложил газету, сунул ее под мышку и двинулся следом, прячась за особенно широкими спинами. Он вел себя, как супруг, почувствовавший, что у него режутся рога, и стремящийся во что бы то ни стало узнать, кто его соперник! Мужчины не могут устоять ни перед одной, даже самой маленькой тайной. По правде сказать, мужское любопытство сгубило больше браков, нежели женская неверность.

Невысокий крепыш, толкавшийся возле Лаймы, которая копалась в своей сумке, неожиданно развернулся и быстро выбрался из толпы, нервно оглядываясь. Глаза его лихорадочно блеснули. Шаталов насторожился. Поколебался, потом последовал за ним и увидел, как крепыш поднес к губам миниатюрное переговорное устройство. Через минуту стало ясно, что это человек из охраны аэропорта.

– Молодая женщина в сером костюме, – негромко сказал он. – Светлая сумка на плече. Возможно, в сумке оружие. Огнестрельное. – Он оглянулся назад и добавил: – Направляется к центру зала.

Шаталов метнулся к киоску и растолкал короткую очередь.

– Здесь стояла моя жена! – воскликнул он, выхватывая из бумажника крупную купюру.

Задыхаясь от волнения, купил первую попавшуюся дамскую сумочку, расческу, крем для загара и блокнот. Мгновенно запихнул все это внутрь, на глазах у изумленной продавщицы зубами отгрыз от сумки бирку и убежал, забыв о сдаче.

Лайма была уверена, что в настоящий момент Шаталов сидит в своем просторном кабинете и делает важные заметки ручкой с золотым пером. Когда она увидела его прямо перед собой здесь, в аэропорту, то от неожиданности открыла и закрыла рот, громко сглотнув. И тут же подумала, что он сейчас громко воскликнет: «Вот так встреча!» Однако Шаталов с каменным лицом прошел мимо, лишь приостановился на секунду и, не поворачивая головы, прошипел сквозь стиснутые зубы:

– Отдай мне свою сумку! К тебе идет охрана. Они знают об оружии. Тебя будут проверять. Держи вот эту.

Лайма охнула и сделала, как он велел, – отпустила свою собственную сумочку и взяла ту, которую Шаталов совал ей в руки. Он едва успел отойти, когда на Лайму с двух сторон надвинулись охранники и предельно вежливо попросили ее следовать за ними. Она согласилась, обольстительно улыбнувшись каждому в отдельности.

Шаталов тем временем отыскал туалет, пулей влетел внутрь, забился в кабинку и принялся терзать свой трофей. Внутри действительно находилось оружие. Маленький, можно сказать, изящный пистолет был засунут дулом вниз между косметичкой и мобильным телефоном. Шаталов подержал его в руке, хмыкнул и, опустив в карман, продолжил обследование. В сумке оказалось три отделения. В каждом из них лежало по паспорту. Ни одного – на имя Лаймы Скалбе. Однако на всех трех фотографиях была именно она.

– Вот это да! – пробормотал Шаталов.

Неужели он предложил свой кров врагу родины?! Поверить в это было сложно, да просто невозможно! Он сунул документы на место, присовокупив к ним пистолет, защелкнул сумочку и вышел из кабинки. Чтобы прийти в себя, плеснул в лицо холодной водой. Вода намочила лацканы пиджака и потекла за воротник. Выпрямившись, Шаталов уставился в зеркало. Оттуда на него смотрела собственная сердитая физиономия. Ну почему, почему его словно магнитом тянет к дурным женщинам? Жена, с которой он не так давно развелся, откусила от его пирога шикарную квартиру и половину банковского счета. Когда бумаги о разводе были подписаны, она с удовольствием рассказала, как охотилась за деньгами, разработав стратегический план завоевания его глупого сердца.

Шаталов нервно закурил и машинально положил в Лаймину сумочку зажигалку. Возможно, Лайме Скалбе от него тоже что-то нужно? И он – лишь винтик в ее игре? Шаталов не желал быть винтиком. Да, он влюбился, но не до такой степени, чтобы ради любимой женщины потерять голову. Настоящие мужчины теряют голову только в смертельном бою, а уж никак не на любовном фронте.

Он вышел из туалета и двинулся в том направлении, куда, как он видел, охранники повлекли Лайму. Ее наверняка уже обыскали и выпустили. Если, конечно, у нее не оказалось при себе еще одного пистолета или, на худой конец, ножа с узким лезвием.

Лайма стояла на том самом месте, откуда ее увели, и беспокойно озиралась по сторонам. Увидев Шаталова, заметно оживилась. Помахала рукой. Он тоже помахал ей, но довольно вяло. Пока он шел, за ее спиной появились люди с камерами и мохнатыми микрофонами на длинных шестах. Телевизионщики. Энергичные и остроглазые, они сбились в кучу и развернулись так, чтобы не пропустить ни одного прибывшего в аэропорт пассажира. Здесь явно подстерегали какую-то знаменитость.

– Что все это значит? – спросила Лайма, когда Шаталов наконец приблизился к ней и протянул сумку.

– Можешь не проверять, – сухо заметил он. – Пистолет на месте, так же как и фальшивые документы. Особенно впечатляюще ты смотришься на фотографии в паспорте Татьяны Прутник. Или это твоя настоящая фамилия – Прутник? А?

– Геннадий, я тебе потом все объясню, – вполголоса ответила Лайма, шныряя глазами по сторонам. – Ты выбрал неподходящее время для выяснения отношений.

– Я выбрал?! – возмутился он. – Да если бы не я, ты уже сидела бы в кутузке!

– Я выполняю важное государственное задание.

– Ха-ха-ха!

– Твой смех неуместен. – Лайма сдвинула брови, и на лбу у нее появилась маленькая глубокая складка. – Ты можешь помешать спецоперации.

– Пока ты мне все не объяснишь, я не уйду. Я сорву твою спецоперацию к чертовой матери, – пообещал Шаталов, и Лайма поняла, что он именно так и сделает.

– Я от тебя такого не ожидала! – запальчиво воскликнула она.

– Я от тебя тем более такого не ожидал.

Они стояли и сверлили друг друга глазами. Наконец Лайма сдалась.

– В двух словах этого не объяснишь, Геннадий.

– И не надо в двух словах, – пожал тот плечами. – У меня навалом времени, я убежал со службы.

– Ну, хорошо, – Лайма нетерпеливо переступила с ноги на ногу. – Нам нужно уединиться. В моем распоряжении не больше четверти часа.

– Думаю, этого хватит, – ободрил Шаталов и потянул ее за руку в сторону кафетерия. – Выпьем по чашке кофе и поговорим.

Соврать было просто нечего. Три паспорта и пистолет связали Лайму по рукам и ногам. Но правду говорить нельзя ни в коем случае, ее предупредили на этот счет. Кроме того, правда опасна. Вдруг Шаталова убьют? Однако тот вовсе не думал об опасности. Он подвел ее к столику в уютном уголке и уселся напротив. Официант, работающий в ускоренном режиме, обмахнул полотенцем столешницу, молниеносно притащил сахарницу, швырнул салфетки, брякнул на них приборы и убежал за заказом.

– Рассказывай, – подбодрил ее Шаталов, сложив руки на груди. – Зачем тебе пистолет и фальшивые документы?

Лайма тяжело вздохнула. Сделала вид, что все еще ведет внутреннюю борьбу. В конце концов чувство долга было вроде бы уложено на обе лопатки.

– Какой ты злой и неуступчивый, – пробормотала она.

– Да, я злой. Злым быть лучше, чем добрым. У добряков мягкое сердце, рыхлое тело и пустой бумажник. Итак...

– Я работаю на правительство, – свистящим шепотом поведала Лайма. Слова шли из горла с мукой, словно обросли колючками. – Я не хотела ничего рассказывать. Но раз уж я поймана с поличным...

– Так ты что же – тайный агент?! Умеешь обезвредить бомбу, посадить горящий самолет и ребром ладони сломать вражеский кадык? Я потрясен.

– Понимаю, дорогой, – серьезно кивнула Лайма. – Тебе придется с этим как-то примириться и... поехать домой, предоставив мне действовать на благо родины.

– Но с виду ты обычная женщина.

– Я и есть обычная, – пожала плечами Лайма. И тут же высокопарно добавила: – Именно рядовые граждане являются оплотом своей страны.

Шаталов смотрел на нее с совершенно новым выражением. Сразу понять было невозможно – повышаются ее котировки или падают. Вероятно, падают. Мужчины не любят сильных женщин, только выносливых. И уж, конечно, не желают видеть их рядом с собой, потому что сильные женщины невольно ставят под сомнение их природное превосходство.

– Так, – сказал Шаталов и взъерошил волосы.

Он-то думал, что она попала в какую-нибудь шайку и ему удастся ее оттуда вытащить. Он уже видел себя рыцарем в сияющих доспехах, и вот... Оказалось, что спасти ее нельзя. Если, конечно, она не врет. Шаталов допускал такую возможность. Почти все представительницы прекрасного пола делают это мастерски. В женском вранье так много правдивых деталей и искреннего чувства, что веришь ему всем сердцем.

В этот момент воздух взвихрился, и, словно джинн, возник официант с подносом. Он метнул на стол кофейные чашки, сверкнул улыбкой и убежал на длинных, циркульных ногах.

– Вряд ли я смогу принять все это так вот просто, – раздраженно сказал Шаталов, бросив в чашку кусок сахара и принимаясь яростно размешивать его ложкой. – Я люблю тебя, но жизнь, которую ты, как выяснилось, ведешь, для меня неприемлема.

– Я тоже тебя люблю, – поспешно сказала Лайма. – Но на меня возложена слишком важная миссия, чтобы подгонять ее под мои личные интересы.

– Боже, но кто на тебя эту миссию возложил?! С какой стати?

Лайма посмотрела ему прямо в глаза, израсходовав все имеющиеся у нее запасы честности.

– Однажды меня вызвали к ректору – я тогда преподавала английский в вузе – и попросили о помощи. Люди из одной правительственной организации. Ну, ты понимаешь...

– Ты могла отказаться!

– Не могла. В кабинете ректора сидел... замминистра обороны.

– Ты не военнообязанная!

– Но там был наш президент... в смысле – президент страны, – быстро внесла коррективы Лайма. – Президент лично попросил меня о помощи. И ободряюще похлопал по плечу. Ты бы смог отказать своему президенту?

– Как президент попал в вуз? – с подозрением спросил Шаталов, не зная, как реагировать на подобное заявление. Возмутиться? Но правда иной раз выглядит невероятно глупой и совершенно несерьезной.

– Он приехал тайно. Потому что дело секретное. Теперь ты понимаешь, что я и так рассказала тебе слишком много?

– Это связано с оружием? – понизил голос Шаталов. – С космическими исследованиями? Лайма отхлебнула из чашки и серьезно кивнула:

– С оружием. И с космическими исследованиями. То есть с исследованием космического оружия. Но учти – я тебе ничего не говорила.

– Что ж, – Шаталов одним глотком прикончил кофе, хлопнул ладонями по столу и встал. – Значит, я совершенно напрасно спасал твою сумку.

Лайма поежилась, вспомнив о досмотре. Если бы у нее нашли пистолет, вот это был бы номер!

– Кстати, как ты оказался в аэропорту? – спохватилась она.

– Совершенно случайно. Должен был встретить коллегу. Мне позвонили, едва ты вышла из офиса. Однако только что выяснилось, что коллега перенес вылет на завтра. Ну, что ж? Я поеду, пожалуй. Не стану путаться у тебя под ногами. – С этими словами он взял купленную им сумку, засунул ее под мышку и удалился.

В тот момент он действительно решил уехать. Лайма поцеловала его в щеку крепким товарищеским поцелуем – никаких нежностей на людях! – и пообещала позвонить завтра.

Однако, добравшись до выхода, Шаталов неожиданно передумал. Не случится ничего страшного, если он останется тут и немного понаблюдает издали. Ему хотелось своими глазами увидеть, как Лайма будет спасать родину. Сказать по правде, самое жестокое мужское желание – это овладеть информацией.

Лайма еще некоторое время сидела за столиком кафетерия и рассеянно отхлебывала из чашки. Потом посмотрела на часы, извлекла из кармана пакетик, встряхнула на ладонь какую-то маленькую фитюльку, похожую на боб, и аккуратно вставила себе в ухо. После чего достала кошелек, заставив Шаталова покраснеть от стыда, – он только теперь сообразил, что забыл расплатиться. Поднялась, кивнула официанту, вышла из кафетерия в зал и направилась прямо к толпе репортеров, которые уже заметно потеснили всех остальных встречающих. Репортеры стояли обособленно и очень плотно, из-за своих камер и микрофонов похожие на маленькое, но агрессивно настроенное военное подразделение. Лайма подошла и незаметно присоединилась к ним.

Шаталов проследил глазами за одним из журналистов с фотоаппаратом на шее, который отделился от толпы и вышел на улицу. Там он достал пачку сигарет и выбил одну точным движением. Шаталов отправился вслед за ним и попросил прикурить.

– А что это сегодня тут народу так много? – лениво поинтересовался он. – Прилетает большая шишка?

– Точно. – Журналист нервно затягивался и косил глазом в ту сторону, где вскоре должны были развернуться важные события. – Сандра Барр.

Шаталов против воли присвистнул. Сандра Барр! Голливудское совершенство, вселенская мечта – красивая, как Пресвятая Дева, и притягательная, как грех. Каждый кусочек тела Сандры Барр был застрахован на гигантскую сумму, потому что публика жаждала ее всю – от кончика прямого целеустремленного носа до крепких ступней.

О ней сплетничали, сочиняли небылицы, за ней охотились с фотокамерами, как за диковинным животным. Ее возили в чванливых лимузинах и охраняли, как Форт Нокс. Девочки посылали ей трогательные, а юноши – пылкие признания в любви, женщины – доверительные, а мужчины – сальные письма. Сумасшедшие фанаты крали ее нижнее белье и оклеивали снимками топless свои душные спальни и кабины грузовичков.

Ее участие в фильме гарантировало ему многомиллионные сборы. В самую простенькую роль Сандра вкладывала всю свою природную живость, весь тот огонь, который полыхал у нее внутри. Она проводила своих зрителей через рай и ад, она ломала их через колено и легко возвращала к жизни. Она заставляла их переживать такие сильные чувства, которые они никогда не испытывали в реальности. Она позволяла им мечтать. И они обожали ее за это.

Интересно, имеет ли отношение вылазка Лаймы в аэропорт к приезду Сандры Барр? Судя по всему, имеет. Недаром она околачивается поблизости и точно так же, как все остальные, поглядывает на часы.

Решив, что Шаталов уехал, Лайма испытала облегчение. Никогда не смешивать частную жизнь с работой – это была одна из заповедей, усвоенных ею в первую очередь. И уж тем более она не собиралась распространяться о своем задании. Дело в том, что Сандру Барр собирались похитить. И потребовать за нее громадный выкуп. Поставить пятно на репутации всей страны! Лайма должна была этому воспрепятствовать. Она и еще два человека – все вместе они составляли сверхсекретную ударную группу «У».

Лайма вовсе не была профессиональным агентом. Первое задание обрушилось на нее неожиданно. Как-то раз в ее рабочий кабинет вошел человек, представившийся Борисом Борисовичем Дубняком, показал удостоверение и заявил, что Лайме придется послужить родине, потому что она и только она годится для выполнения особо секретной миссии. Ни один штатный сотрудник для этого не подходил, а Лайма подходила. Она попыталась отказаться, но Дубняк отлично подготовился к разговору! Дело в том, что незадолго до этого неизвестные злоумышленники угнали у любимой Лайминой бабушки автомобиль и переехали на нем человека.

И вот этот самый Дубняк заявил, что бабушка сама совершила наезд, а потом испугалась и бросила машину в чужом дворе. А для отвода глаз сообщила в милицию об угоне. За это

ее, вероятно, посадят в тюрьму до конца дней. Однако, если Лайма согласится сотрудничать, бабушку оставят в покое.

Вот так Лайма и возглавила секретную группу, получив в подчинение двух мужчин – Евгения Корнеева и Ивана Медведя. Оба считали, что их командир – опытный агент, и слушались ее беспрекословно. Командира же поддерживала лишь надежда на то, что вскоре их миссия будет выполнена и ей удастся вернуться к прежней жизни...

Однако ничего не вышло. Дубняк заявил, что группу «У» ждет еще одно задание – необходимо предотвратить похищение всемирно известной актрисы, в ближайшее время прилетающей в Москву. Никаких деталей. Мало того, связь с самим Дубняком неожиданно прервалась, и теперь члены группы вынуждены были действовать на свой страх и риск. Никто их не поддерживал, не страховал, не направлял и не контролировал. В связи с этим Лайма чувствовала себя настоящей партизанкой. Если бы в ее сумочке нашли оружие, никто не пришел бы ей на помощь.

Члены группы «У» решили, что раз задание получено, его надо выполнить, несмотря на прерванную связь с шефом. Они долго размышляли, как подобраться к Сандре Барр, как попасть в ее окружение. Именно это представлялось самым сложным. Они не могут следить за ней, таскаясь обычными шпиками по Москве, – охрана звезды непременно их вычислит.

Наконец сошлись на самом простом и понятном. Корнеев должен попасться на глаза Сандре Барр и понравиться ей. Дальнейшее – дело техники. План выглядел бы фантастическим, не будь Корнеев потрясающе красив и статен. Сам он, однако, сомневался в успехе предприятия больше всех.

– Понравиться Сандре Барр?! – воскликнул он, когда выслушал предложение Лаймы. – У нее роман с Гектором Куком! Об этом пишут все таблоиды. А Гектор Кук, по опросам общественного мнения, признан самым красивым мужчиной планеты.

– Подумаешь, – фыркнула Лайма. – Ты гораздо красивее Гектора.

Корнеев был большой спец по всяким электронным штучкам, а компьютер почитал родной матерью. С его помощью он завязывал и поддерживал дружеские отношения, получал духовную пищу и повышал свою и без того высокую квалификацию. Даже еду и одежду Корнеев заказывал в интернет-магазинах. Путешествовал только виртуально, а звукам живой природы внимал через наушники.

– Как я буду производить впечатление? – спросил он хмуро.

– Возьмешь у нее автограф и подсунешь свою визитку с телефоном.

– Возможно, такой номер прошел бы с группой «Bad Boys Blue», – сердито заметил Корнеев. – Но не с Сандрой Барр!

– Мы с Иваном провели исследование. Эта дама ужасно любвеобильна. По данным разведки, обожает щекотать нервы своим бойфрендам. И у нее есть один пунктик: прилетая в чужую страну, она прямо в аэропорту выбирает себе временного... хм... ну, сопровождающего из числа аборигенов. Им может оказаться кто угодно – репортер, носильщик, фанат или просто один из туристов.

– Отбывающих?

– Как правило, они остаются, – хмыкнула Лайма. – Короче, мадам коллекционирует ощущения.

В конце концов Корнеев согласился. Однако никакого трепета по поводу своего возможного сближения с небожительницей не испытывал. И вот теперь он стоял вместе с журналистами возле выхода с терминала и то и дело подносил руку к лицу – в часах находился микрофон, с помощью которого Корнеев мог командовать Лаймой. Тот самый «боб» у нее в ухе был частью переговорного устройства.

Благодаря тому, что Лайма постоянно смотрела на Корнеева, Шаталову, который маячил поблизости, удалось довольно быстро его вычислить. Сначала он видел только узкую спину да

темную макушку. Но вот объект его интереса передвинулся, заняв более удобную для наблюдения позицию. И Шаталов увидел наконец его физиономию. Увидел и сглотнул. Конечно, он не большой ценитель мужской красоты, но не признать очевидное было бы глупо. Среди обычных людей программист выделялся, как сверкающий болид меж серых бородавчатых астероидов. Он оказался обладателем настолько яркой внешности, что не обратить на него внимания можно было только сослепу.

Идеальный овал лица, продолговатые глаза, посылающие в нокаут юных девиц заодно с их мамашами, капризные губы – такие сочные, будто он перецеловал уже всех знаменитых актрис на свете, решительный нос и как последний штрих – тонкая ниточка усов в стиле ретро. Если бы Корнеев пробовался на роль в фильме «Король и шинопас», Гектору Куку, пожалуй, пришлось бы играть шинопаса.

Ревность немедленно ужалила Шаталова в самое сердце. В ранку попал яд и с молниеносной быстротой распространился по всему телу. Однако и отравленный, Геннадий не потерял голову, а продолжал наблюдение.

В ухе у Лаймы тем временем материализовался голос Корнеева.

– Посмотри, пожалуйста, что там происходит с Медведем. Возле него настоящее столпотворение.

Иван Медведь был третьим и последним членом группы «У». Высокий и мощный детина с огромными руками, словно предназначенными для кулачного боя, при виде которого мастера восточных единоборств задумчиво замолкали. Казалось, что свалить его невозможно даже вдесятером. Медведь был исполнительным, правильным и, как нынче говорят, слегка упертым.

Лайма повертела головой и увидела, что Ивана и в самом деле окружили возбужденные люди. Они что-то такое втолковывали ему, наскაკивая и повышая голос. Коротенький мужчина с буйно вьющейся бородой даже взял его за пуговицу рубашки и тянул на себя, требуя предельного внимания.

– Здравствуйте, – сказала Лайма деловым тоном, растолкав всю эту ораву и загородив Медведя собой. – У вас какие-то вопросы к моему клиенту?

– А вы кто такая? – хамоватым тоном спросил бородастый. Его глубоко посаженные глазки пылали, словно угли в жаровне.

– Я его менеджер, – коротко ответила Лайма.

Работа распорядителем в центре культуры научила ее ставить на место любых, даже самых зарвавшихся типов.

– Бог мой! – воскликнул коротышка. – Что творится! Случайно плюнешь человеку на ботинок, и прямо как из-под земли появляется его менеджер.

– Что вам нужно? – спросила Лайма голосом, которым можно было заморозить партию куриных окорочков.

Бородастый отступил на шаг и еще раз окинул Медведя с ног до головы цепким взором.

– Ах, черт! – воскликнул он. – Я не в силах от него отказаться. Никогда не встречал такой крупный экземпляр.

Медведь глупо улыбался, поглядывая на суету внизу. Он действительно был уж слишком заметный. С другой стороны, иногда его габариты и устрашающий вид приносят ощутимую пользу делу.

– Для чего он вам нужен? – уточнила Лайма с подозрением.

Бородастый взял ее под руку и принялся прогуливаться взад и вперед, словно держал на руках крикливого младенца, которого хотел успокоить. Его ассистенты тем временем обступили Медведя, чтобы на него случайно не позарились посторонние.

– Видите ли, с минуты на минуту приземлится самолет, в котором в Москву летит Сандра Барр. Вы знаете, кто такая Сандра Барр?

Лайму бросило в жар, но она не подала виду и равнодушно ответила:

– Допустим.

– Впрочем, зачем я спрашиваю? Все знают Сандру Барр. Только дикие племена Полинезии находятся в относительном неведении. Конечно, дива прилетает не одна. С ней еще куча народу, в том числе ее агент, Майк Фергюссон. Этот тип всегда бредил Россией и мечтал приехать в Москву, чтобы посмотреть на здешние чудеса. Ну, вы понимаете... Весь джентльменский набор: сходить на «Лебединое озеро», поковырять ногтем кремлевскую стену, выпить стакан водки в трактире и поиграть на балалайке. Еще господин Фергюссон во что бы то ни стало желает познакомиться с настоящим русским мужиком. Образцово-показательным, так сказать.

– И вы до сих пор не нашли подходящего? – не поверила Лайма, демонстративно поглядев на часы.

Самолет должен был вот-вот приземлиться, и все находились в нервном ожидании.

– Произошло недоразумение, – вздохнул бородатый. – Наша и американская стороны не слишком хорошо поняли друг друга. Мой ассистент решил, что Фергюссон просто хочет познакомиться с русским мужчиной. И нашел... вот.

Он резко развернул Лайму и широким жестом указал на субтильного юношу в обтягивающих штанишках, с длинными белокурыми волосами и подкрашенными веками. Лайма проглотила смешок.

– Даже если надеть на него шаровары и дать ему в руки баян, ничего не изменится.

– Да уж, – согласилась она. – И вы положили глаз на моего клиента.

– Сколько вы хотите? – без обиняков спросил бородатый.

– Половину, – быстро ответила Лайма, памятуя, что зарплату группе «У» никто не выдает и неплохо было бы разжиться баксами на текущие расходы.

До сих пор деньги доставал Корнеев, ас из асов, хакер из хакеров, робингудствуя в Интернете, – уводя энные суммы со счетов, как он говаривал, «плохих дяденек».

Бородатый вскинул руку с часами к самым глазам и кивнул:

– Заметано. Плачу наличными прямо сейчас.

Он подал знак своим ассистентам, и те бросились выполнять приказание. Через несколько минут Лайма подписала простенький контракт, состоявший из двух предложений, и получила на руки пачку долларов. Подошла к Медведю и вполголоса сказала:

– Иван, тебя наняли для того, чтобы потрясти воображение агента Сандры Барр Майка Фергюссона. Поиграешь мускулами, попьешь с ним чаю из самовара. Для нас этот Майк – просто находка. Сандра Барр будет в зоне твоей досягаемости, понимаешь? Нам уже заплатили, так что постарайся не ударить в грязь лицом. Да, кстати, этот Фергюссон мечтает тяпнуть стакан водки... Так ты не вздумай идти у него на поводу, он наверняка трезвенник. Если он умрет в каком-нибудь трактире, тебя по головке не погладят. Хотя... Если будет сильно настаивать – черт с ним. Главное, чтобы он тобой остался доволен.

Медведь внимательно выслушал сообщение и серьезно кивнул.

– Понял, – сказал он. – Приступаю к исполнению.

Тут же к ним подскочил бородатый, которому не терпелось проявить фантазию.

– Надо его переодеть, – заявил он, тыча в Медведя привыкшим распоряжаться указательным пальцем. – Он должен выглядеть колоритно, чтобы Фергюссон сразу понял, что к чему. И еще, любезный: забудьте все английские слова. Вы – русский медведь. Русский Иван... Кстати, как ваша фамилия?

– Медведь, – послушно ответил тот. – А зовут Иван.

– Это вы хорошо придумали. Итак, по-английски вы не говорите и не понимаете. Вы исполняете роль матрешки, это ясно?

Лайма мысленно потирала руки. Если Корнееву не удастся обаять Сандру Барр, Медведь его подстрахует. И все же программист предпочтительнее – он не потеряет голову даже в

экстренной ситуации. Женщины интересовали Корнеева постольку поскольку, и даже Сандра Барр не произвела на него большого впечатления. Конечно, он знал о ней. Просто потому, что в Сети было полно ее фотографий. Однако актриса его не восхитила. Она была настоящей, из плоти и крови, и ее поведение никак нельзя было контролировать, двигая «мышью» по ков-рику.

Корнеев, который за свою жизнь иссушил больше сердец, чем выпил стаканов воды, жил только компьютером. На сексуальные похождения ему было жалко времени. Не подозревающие ни о чем подобном девицы кидались на него, как осы на лопнувший арбуз. Если бы какой-нибудь из них удалось довести его до алтаря, она стала бы самой несчастной женщиной на свете. Включая свой ПК, Корнеев уходил в виртуальное пространство с головой и запросто мог позабыть о живой жене на пару недель.

Тем временем в ухе у Лаймы зашипело, и голос Корнеева предупредил:

– Начинается.

По рядам журналистов прошел трепет, все заволновались, загудели, задвигались. Толпу немедленно потеснили калиброванные мужчины в одинаковых костюмах и темных очках. Конечно, звезда заранее позаботилась о своей безопасности, и эти типы будут реагировать на каждое резкое движение в толпе.

И вот она появилась. Лайма встала на цыпочки, чтобы лучше видеть. Сандра Барр, собственной персоной! В ее лице в зал входила слава в чистом виде – продукт природного дара, неистового труда и мощного пиара.

На богине было открытое белое платье, не скрывавшее великолепных ног, и туфли с вырезанным мыском, демонстрирующие мастерство голливудской педикюрши. Круглые солнечные очки не позволяли разглядеть выражение ее глаз, но большинству встречающих хватало выставленного напоказ тела.

– Я пошел, – сообщил Корнеев правому уху Лаймы. – Пробеерись поближе. Следи за мной. Если что, используй план «Б».

План «Б» был глупым. Когда Лайма сказала об этом Медведю и Корнееву, те заметили, что только в шпионских книжках все выглядит сложным и запутанным. В реальности работают только простые и логичные схемы.

– Нужно учитывать психологию людей, – нравоучительно заметил Корнеев. – И проявлять некоторую фантазию. Вот и вся премудрость.

План «Б» предполагал, что, если охранники не позволят Корнееву приблизиться к Сандре Барр на достаточно близкое расстояние, в игру вступит Лайма. Она совершит какой-нибудь асоциальный поступок, сделает что-нибудь ужасное, что заставит охранников хотя бы просто повернуть головы в ее сторону. У Корнеева появится в запасе несколько драгоценных секунд.

Детали антиобщественного поведения Лаймы они не обсуждали. Предполагалось, что как командир группы она сама найдет верное решение. «Интересно, что мне нужно будет сделать? – лихорадочно размышляла та. – Завизжать? Упасть в обморок? Затеять драку?» Она так ничего и не придумала. Только и успела, что пробиться в первые ряды встречающих. Прямо перед ней стоял мужчина с бритой головой. В руках он держал фотоаппарат с мощным объективом, нацеленным на Сандру Барр.

Звезда остановилась, чтобы сказать несколько приветственных слов прессе. Перед ней немедленно вырос лес микрофонов, поражавших своим внешним разнообразием. Интенсивно потеющий переводчик довел слова знаменитости до сознания соотечественников и с облегчением промокнул лоб. Сандра Барр дала несколько автографов подбежавшим к ней поклонникам и поклонницам. Вероятно, это были специально отобранные люди, потому что когда Корнеев попытался протянуть в сторону звезды блокнот, его рука была отбита точным ударом охранника и улетела назад, словно теннисный мяч.

– План «Б», – сказал Корнеев сдавленным голосом. – Давай, устрой представление.

Сандра Барр продолжала подмахивать свои фотоснимки черным фломастером, который ей подсунули ассистенты. Рядом в широких шортах и футболке стоял Майк Фергюссон – высокий, тощий тип с мосластыми коленками, похожий на благообразную лошадь. У него было восторженное лицо подростка, пробравшегося в стриптиз-клуб. Вероятно, он полагал, что вскоре начнутся чудеса – появятся и разливисто запоют бабы в расписных кокошниках, запляшут скоморохи.

План «Б»! Лайма прикусила губу. Ее снедало отчаяние. Что же делать? Разве что подражаться с кем-нибудь? Или заорать? Даже в страшном сне ей не могло присниться, что придется вопить во всю глотку ни с того ни с сего. Окружающие решат, что она чокнутая, позвонят в больницу, и за ней приедут санитары с любовно расправленной смиренной рубашкой. Лучше пусть заорет кто-нибудь другой, решила Лайма. Вот хотя бы этот бритый тип перед ней. А ее задача – заставить его это сделать. Она обзовет его каким-нибудь ужасным словом, он набросится на нее с кулаками, и охранники моментально нацелятся на них.

Ругаться она не любила и не умела, хотя многие женщины не стеснялись в выражениях и порой выдавали такое, от чего у самых отвратительных сквернословов отнимался язык. Вообще, полагала Лайма, хамство – это наркотик. Стоит один раз нахамить окружающим, и для хорошего самочувствия будут требоваться все большие и большие дозы.

Человек, на которого она положила глаз, оказался репортером «Зеркала мира» Романом Крупицыным. Крупицын не считал себя ни циничным, ни безнравственным. Просто со временем поверх первой, уязвимой, у него выросла вторая кожа – толстая, как у бегемота. И с тех пор ко многим вещам он сделался совершенно нечувствительным. Так, например, Роман придумал хитрый способ добиться привилегированного положения среди коллег и изготовил для себя яркий бэджик, напечатав на нем крупными буквами: «Я – ГЛУХОНЕМОЙ». Люди стали относиться к нему совсем иначе – более внимательно. Они повсюду пропускали его, оказывали помощь, и единственное, что нужно было делать Крупицыну, – это молчать. Вот и сейчас, попав в первый ряд журналистов и снимая Сандру Барр, он откровенно радовался своей выдумке. Ай да молодец Рома, ай да умница!

Лайма не видела бэджик, потому что подошла сзади. По прихоти судьбы именно Крупицына избрала она своей жертвой. Зная, что мужчины мгновенно реагируют на оскорбления, подтолкнула его локтем и негромко сказала:

– Эй, козел! Загораживаешь вид.

Козел замер, но не обернулся и через секунду с удвоенным усердием принялся щелкать затвором.

– Я к тебе обращаюсь, козел! – продолжала упорствовать Лайма, удивляясь, что жертва не купилась на первый же выпад. Подумала и добавила: – Вонючий козел!

Поскольку бритый не отвечал, Лайма слегка повысила голос:

– Отвратительный лохматый козел.

В ту же секунду в ухе у нее прозвучал умоляющий голос Корнеева:

– Давай же, давай! Чего ты тянешь?!

Лайма придвинулась к бритому типу так близко, что он не мог не почувствовать ее дыхания на своей шее. Глубоко вдохнула и выпалила:

– Ты! Хрен с ушами!

По правде сказать, Крупицын только утром вернулся из командировки, но уже успел побывать в редакции и получить новое задание – последнее перед отпуском. Ближайшую неделю он собирался провести в Париже. Уже мечтал о том, как прокатится на пароходике по Сене, и, если повезет, с очаровательной француженкой... И вовсе не был готов к тому, что его обзовут хреном с ушами.

Многих мужчин одним «козлом» можно довести до умоисступления. Но этот оказался твердым орешком. Как назло! Конечно, Лайме следовало передвинуться вправо или влево и выбрать новую жертву, но ее здорово разобрало.

– Ах ты, гад косорылый! – совершенно искренне возмутилась она. – Скотина непрошибаемая! Ну, погоди у меня!

Крупичин твердо решил, что, когда все закончится, он догонит эту тетку и убьет. Задушит. Уронит на пол и затопчет ногами.

– Ты, что, заснула?! – прошипел Корнеев. Его голос был таким отчетливым, что казалось – он сам залез ей в ухо.

И тут Лайма неожиданно вспомнила, что видела в своей сумочке зажигалку Шаталова. Извлекла ее на свет божий, прокрутила колесико до максимума и, выбив длинный язык огня, снизу подожгла бритому пиджак. Пиджак загорелся мгновенно и сразу же страшно завонял. А дым от него пошел, как от подбитого самолета.

– Ха! – воскликнула Лайма, потому что все получилось просто отлично: окружающие, все, как один, повернули к ним головы, заволновались, заговорили.

Охранники Сандры Барр тоже повернулись и уставились на «глухонемого». В тот же миг «глухонемой» взвился в воздух, задубасил руками по собственному заду, разверз пасть и завопил страшным голосом:

– А-а-а!!! Мать твою!!! Убью, гадина!!!

Трепетную Сандру Барр немедленно заслонили мощные тренированные торсы. В глазах Майка Фергюссона разгоралось фанатичное любопытство. Крупичин прыгнул на Лайму, твердо решив задушить ее, и они вдвоем покатались по полу. Толпа отхлынула, подбирая ноги.

– Что случилось? – испуганно воскликнула какая-то женщина.

– Глухонемые дерутся, – авторитетно заявил мужчина с любительской камерой.

– Какие глухонемые?! – возразили ему. – Слышишь, как мужик матерится?

– Выходит, этот подлец напал на глухонемую женщину!

Новость мгновенно распространилась окрест. Подбежавшие охранники схватили за шкуру малинового от натуги Крупичина, а Лайма на четвереньках побежала прочь.

Высочив в проход, она завертелась на месте, словно танцующая собака, была заботливо поднята под локотки, поставлена на ноги и подведена к Сандре Барр. Звезда торопливо начала в блокнотике несколько слов, оторвала листочек и опасливо подала его Лайме. Та не очень хорошо поняла, с чего это ее вдруг лишили слуха и голоса, однако спорить не стала и вместо «Спасибо!» сделала реверанс. Потом попятилась и нырнула в толпу. Вытерла со лба пот и огляделась по сторонам.

Первое явление звезды русскому народу медленно, но верно шло к концу. Представители встречающей стороны уже вздыхали с облегчением, но... Отлаженный механизм сопровождения и физической защиты вдруг дал сбой. Военным стратегам известно, что самое страшное испытание для обороняющихся – одновременная фланговая атака противника. Так вот разрозненным группкам фанатов, совершенно неожиданно для всех, удалось прорвать оборону звезды.

А произошло следующее. Еще с ночи в аэропорту кинодиву караулили представительницы фан-клуба «Гектор Кук для всех и ни для кого в отдельности!». Они уже изготовились для метания яиц, помидоров и майонеза. Образовали некое подобие журавлиного клина и, подкурлыкивая от нетерпения, стали подбираться к живописной кучке блистательных гостей и вождевших их журналистов. Маневр не остался незамеченным – живой щит из личных охранников Сандры и угрюмых сотрудников охранного агентства, нанятого принимающей стороной, развернулся в сторону врага, готовясь к отражению наглой агрессии. Сюда же мгновенно подтянулись и дежурные сотрудники милиции, уже давно приметившие озабоченных фанаток вместе с их метательной снедью.

Но в самый драматический момент, когда стороны уже готовы были сойтись в бескомпромиссном поединке, справа в звездную тусовку с гиканьем и молодецким посвистом врезался небольшой отряд бритых наголо молодых людей в высоких шнурованных ботинках, камуфляжных штанах и кожаных куртках. В руках, правда, они держали не ожидаемые в подобных случаях цепи и бейсбольные биты, а здоровенные мягкие игрушки, которые полетели в ошалевшую Сандру и ее попутчиков. Бритые оказались, как потом выяснилось, молодыми представителями Ассоциации потомственных каскадеров. Так бурно они выражали свое восхищение в связи с тем, что актриса учредила фонд помощи каскадерам, пострадавшим при выполнении профессиональных обязанностей.

Майк Фергюссон, получив по лицу увесистым бежевым бегемотом, попытался рвануть обратно к самолету, но оступился и упал навзничь, чувствительно приложившись затылком к полу. От сотрясения мозга его спасла валявшаяся под ногами сумочка с косметикой, которую выронила присевшая от ужаса звезда. Лайма как замороженная смотрела на эту фантастическую сцену и лихорадочно соображала, какую выгоду можно из нее извлечь.

Между тем охрана, оправившись от шока, перешла в контрнаступление и через минуту овладела ситуацией. Но не до конца. Мягкие игрушки оказались не единственным материальным воплощением безграничной любви потомственных каскадеров к Сандре Барр. Когда их оттеснили на почтительное расстояние, выяснилось, что несколько потрепанные и напуганные первобытным славянским гостеприимством гости пребывают в компании совершенно очаровательного живого котика непонятной половой принадлежности с роскошным красным бантом на шее.

Котик сидел на звездном плече и пучил на лежащего Фергюссона испуганные глаза. Присевшая в самом начале инцидента Сандра так и не смогла распрямиться, в том числе и из-за невесть кем посаженного на нее животного. Глава охранного агентства двумя толстыми пальцами взял котенка за шкурку и осторожно снял с царственного плеча. В связи с тем, что журналистов поклонники актрисы смяли первыми, некорректных снимков в этой толчее никто сделать не успел. Инцидент погасили достаточно быстро, и улыбающаяся Сандра уже готова была к цивилизованному общению. Правда, на загорелом плече виднелись четкие белые царапины, а стоящие в непосредственной близости переводчик и продюсер ощущали едва заметный запах кошачьей мочи – видимо, котик с перепуга оросил звездные одежды.

Все было готово к продолжению церемонии, но никто не знал, что делать с животным. По-прежнему держа котенка за шкурку на расстоянии вытянутой руки, словно он мог ударить его лапой в пах, глава охранников вопросительно посмотрел на телохранителей. Те, в свою очередь, вооружившись профессионально доброжелательным выражением лица, уставились на Фергюссона. Агент, еще не отошедший от пережитого стресса, вяло махнул рукой в сторону Сандры, как бы предоставляя ей казнить или миловать зверя.

Тут Сандра Барр поступила как истинная звезда. Она решительно подошла к главе охранников, взяла котенка на руки и громко чмокнула его в нос. После чего принялась озираться по сторонам. И немедленно наткнулась взглядом на Корнеева, который смотрел на нее неотрывно, с пристальным вниманием. Сандра встрепенулась, расплылась в улыбке и церемониальным шагом двинулась в его сторону. Подошла и протянула руку. Корнеев от неожиданности отдернул свою и спрятал ее за спину. Тогда она схватила его за вторую и что-то негромко сказала охраннику.

Охранник – рад стараться – ухватил Корнеева за шиворот и рванул на себя так, что тот почти по воздуху перелетел заветную черту и оказался примерно в том же положении, что и Лайма пять минут назад, – в проходе на четвереньках. Прямо перед его глазами появились стройные ножки Сандры Барр. Он помотал головой и проворно поднялся, и тогда звезда торжественно протянула ему впавшего от ужаса в транс котенка, на прощание еще раз чмокнув того в розовый нос.

Корнеев, не терпевший живности, немедленно попытался вернуть его обратно, но ему не дали даже дернуться. В одно ухо переводчик радостно прокричал: «Сандра Барр дарит этого очаровашку своему самому красивому русскому поклоннику!», а в другое отчетливо и зло прошипел глава российского охранного агентства: «Бери кота, благодари и отваливай, падла!»

Корнеев решил, что предложение разумное. Держа котенка поперек туловища, подгоняемый болезненными толчками в спину, он быстренько покинул охраняемый периметр, ни разу не оглянувшись на свою благодетельницу.

Тем временем раздача автографов завершилась, и делегация в тесном кольце охраны двинулась прочь. Уже возле выхода на улицу навстречу гостям вывели «настоящего русского мужика». Бородач и ассистенты не знали, как придать Медведю национальный колорит, и в конце концов надели ему на голову овчинный треух, которым собирались потрясти наивного Фергюссона.

Впрочем, Медведь произвел огромное впечатление не только на агента Сандры Барр, но и на нее саму.

– Oh, my God! What a wonderful man! – воскликнула она, протянула руку и потрогала пальцем рельефные мускулы. – What a damn big guy!¹

Польщенный тем, что им восхищаются, Медведь изобразил масляную улыбку. Треух, надетый к летней рубашке, придавал ему авангардный вид. Лайма проследила, как главную надежду группы «У» усадили в один из автомобилей, выстроившихся длинным караваном. Вслед за ним на заднее сиденье втиснулся Майк Фергюссон.

Исчезнувшего куда-то Корнеева Лайма через минуту обнаружила прямо у себя за спиной. Женщины, которые проходили мимо, обстреливали его взглядами, и, если бы каждый такой выстрел производил шум, пришлось бы заткнуть уши. К груди Корнеев прижимал насмерть перепуганный подарок. Подарок открывал розовый рот и почти беззвучно кричал. Лайма испуганно отступила:

– Нет, только не это! Немедленно отдай его кому-нибудь. Ты задушишь беднягу!

– Его нельзя отдавать, – покачал головой Корнеев. – Это наш пропуск к Сандре Барр, неужели ты не понимаешь? Мы с этим котом сможем проникнуть даже в гостиницу. Так что возьми животное и хорошенько о нем позаботься.

– Да я же пытаюсь тебе объяснить, глупая голова! У меня страшная, страшная, страшнейшая аллергия на кошачью шерсть. Вот увидишь, что сейчас со мной будет. Раз он нам так нужен, придется тебе самому о нем заботиться.

– Да ты что, Лайма! – завопил Корнеев во всю глотку. – Он же маленький еще!

– Не бойся, он вырастет, – ободрила она его.

– Но маленькие коты ужасно шустрые! – продолжал разоряться Корнеев. – Он будет играть компьютерными шнурами! И тогда я его прикончу.

При этих словах котенок извернулся и мертвой хваткой вцепился грядущему убийце в рубашку. Корнеев взвыл и стал безжалостно отдирать его от себя. Смотреть на это зверство было невыносимо.

– Дай сюда! – Лайма подбежала и отцепила коготки от ткани, потом нежно прижала котика к себе и начала успокаивать.

Когда они сели в машину, из глаз у нее уже текли слезы, а нос стал похож на сливу.

– В аптеку! – скомандовала она, и Корнеев ударил по газам.

Возле первой же вывески с зеленым крестом он затормозил, достал из кармана мини-компьютер и сосредоточился на нем. Чертыхаясь, Лайма вылезла из машины и с котенком наперевес побежала в аптеку. В зале было пусто, и женщина за стойкой немедленно обратила на нее свое внимание.

¹ О, боже! Какой удивительный мужчина! Какой чертовски большой парень!

– Ой! – воскликнула она. – К нам с животными ни в коем случае...

– Пчхи! – невежливо перебила ее Лайма, а кот в ответ коротко мяукнул.

– Какое чудо! – не удержалась аптекарша.

Кот был серебристо-серый, с черными ушками, черной кисточкой на хвосте и черным носком на правой передней лапе.

– У меня от этого чуда – пчхи! – свербит в носу.

– Кларитин! – Аптекарша показала пальцем на котенка и повторила еще раз: – Конечно, кларитин!

– С чего вы взяли, что его так зовут? – прогундосила Лайма.

– Я говорю, что вам нужен кларитин. Это лекарство от аллергии. Примите прямо сейчас и потерпите полчаса. Сможете спокойно общаться с вашим любимцем. Как же вы так – не подготовились? – укорила она, пробивая чек.

Лайма прямо тут же, на месте проглотила таблетку и побежала назад, в машину. Корнеев обернулся и спросил:

– Ну? Все в порядке?

– Пока не знаю, – ответила она. – И еще вот что. Если лекарство мне поможет, считай, у нашего кота есть имя.

– Да? – безо всякого интереса спросил кошконенавистник. – И какое же?

– Кларитин.

– А если он – девочка? – Корнеев вырулил на шоссе и посмотрел на своих пассажиров в зеркальце заднего вида.

– Тогда будет Клашкой. Или Кларишкой.

– Знаешь, о чем я подумал? Носи его все время с собой, на всякий случай.

– Он все-таки не собака, – обиделась Лайма. – И маленький еще совсем. Ему нужен дом, собственная миска, нежные руки...

Она замолчала, вспомнив Шаталова и его предложение переселиться к нему и перевезти немедленно любимую чашку и любимую кошку. Посмотрела на котенка и пробормотала:

– Кажется, я знаю, как сделать тебя счастливым.

– Если бы не кот, твоя Сандра Барр даже не посмотрела бы на меня, – поделился своими мыслями Корнеев. Кажется, это обстоятельство его ничуть не задело. – Мою визитку она отдала помощнику, и тот через некоторое время выбросил ее в урну вместе с другими такими же. Так что план «Б» не сработал.

– Я же говорила, что он глупый, – сердито ответила Лайма, которая прокрутила в уме драку с бритоголовым и свое хождение на четвереньках. Ужас, ужас! – Кстати, перед началом операции у меня хотели проверить сумочку. И если бы не случайность...

Она не стала объяснять, что случайностью оказался Шаталов. Корнеев и Медведь нетерпимо относились к ее личной жизни. Они считали, что, раз уж подчиняются Лайме, она должна всецело принадлежать общему делу, принадлежать им.

– А куда укатил Медведь? – поинтересовался Корнеев.

Лайма рассказала ему про Фергюссона и показала пачку денег.

– Иван должен позвонить сразу же, как только станет ясна расстановка сил, – пояснила она. – Где будет он, где Сандра Барр... И тогда мы поймем, что делать.

Они решили не вступать в борьбу с похитителями, если таковые объявятся. Следует держаться поблизости, но не рассекречивать себя. А если произойдет похищение, выследить преступников и подобраться к ним с умом. В багажнике машины лежала сумка, под завязку набитая всякими электронными штучками, которыми Корнеев запасся перед началом операции. Здесь были невообразимые вещи, о которых Лайма до сих пор даже не слышала. Например, приспособление, похожее на пистолет с прицелом. Из него вылетал маленький «маячок», который прилипал к объекту – допустим, к автомобилю. Объект можно было запеленговать, даже

если он удалялся на очень большое расстояние. Была там еще дюжина фотоаппаратов, вмонтированных в небольшие вещички – зажигалку, ручку, тюбик губной помады. Были миниатюрные переговорные и подслушивающие устройства, приборы ночного видения, новейшие средства химической защиты, а также пара париков и фальшивая борода. Лайма понятия не имела, где Корнеев разживается всем этим добром. Правда, она слышала, что в Интернете существует какое-то торжище, на котором продается и покупается все, что душевнее угодно.

Дубняку же, судя по всему, не было вообще никакого дела до их оснащения. Порой Лайма доставала из сумки крохотный мобильный телефон – единственную ниточку, которая связывала их с шефом. Она лично следила за тем, чтобы телефон постоянно работал и не разряжался. Но аппарат молчал вот уже несколько недель...

Глава 2

Борис Борисович Дубняк сидел в массивном кресле перед телевизором и знакомился с программой новостей. Конечно, это было так, баловство. Все самые важные новости он узнавал на службе, потому что занимался не чем-нибудь, а безопасностью страны. За окном накрапывал дождь, уютный торшер с тряпичным абажуром тихонько подмаргивал от старости, и под мельтешение сменяющихся друг друга картинок Дубняк стал было задремывать, как вдруг...

На экране он увидел нечто такое, что буквально выбросило его из кресла, словно из сиденья неожиданно выпрыгнули наружу сто пружин. Это был репортаж из международного аэропорта, куда сегодня прилетела голливудская дива Сандра Барр. Камера с любовью обрисовала ее фигуру, укрупнила лицо, а потом пробежала по восторженной толпе, колыхавшейся вокруг. И вот тут... Дубняк увидел Корнеева! Это был он, без сомнения! Разве можно ошибиться?! Лощеная физиономия с эстетскими усами и глаза, какими иллюстраторы сказок обычно награждают прекрасных принцев.

Дубняк бросился к телевизору и схватил его за бока, как будто тот мог случайно соскочить с тумбочки и выбежать за дверь, не дав ему досмотреть передачу.

– Борик, зайчик! – укоризненно воскликнула жена, шествуя мимо в атласных тапочках на каблуке, которые цокали по паркету, как козы копытца. – Нельзя упираться лбом в экран! Вредное излучение повредит твоим мозгам.

Дубняк не обратил на нее никакого внимания. Когда-то его жена была очаровательной девушкой, с которой он хотел поделиться каждой своей мыслью. Теперь же в ее присутствии мысли сворачивались ежиками, а когда она называла его зайчиком, Дубняку хотелось зашить ей рот суровыми нитками.

Репортер выдал сентенцию по поводу возросшего интереса американской элиты к России, камера мазнула по толпе, зацепив блондинку в сером костюме и с пучком на затылке. Лайма Скалбе! Дубняк вздрогнул каждой жилкой, каждой косточкой. Поморгал, чтобы прояснить зрение, и с еще большей жадностью впился глазами в экран. Вероятно, где-нибудь неподалеку болтается Медведь. Группа «У» в полном составе!

Группа «У», нелюбимое детище Дубняка, сотворенное им лишь в связи с жестокой необходимостью. Уродец, которого давно следовало лишить жизни. Так было бы спокойнее, гораздо спокойнее. Но – ничего не вышло.

Дубняк имел покровителя в высоких политических кругах, для которого он готов был сделать если не все, то очень многое. Покровитель носил фамилию Миловидов и щедро оплачивал Дубняку его лояльность.

И вот случилось так, что интересы Миловидова и интересы начальства Дубняка столкнулись друг с другом, вступили в непримиримое противоречие. Миловидов требовал убрать одного важного индуса, прилетевшего в столицу с тайным визитом, а начальство поручило Дубняку его охранять. Что было делать? Разрываясь между служебным долгом и деньгами, Борис Борисович нашел неожиданное решение. Создать для охраны важной персоны такую группу, которая не сможет выполнить задание. Ущербную и убогую – группу «У». Тогда и волки будут сыты, и овцы целы. Сама троица считала, что группа «У» расшифровывается совсем иначе – ударная группа.

Конечно, никто не знал об истинных мотивах Дубняка, а он все устроил очень удачно и мог ответить на любые вопросы руководства. Группа как группа. Созданная для выполнения секретного задания, одна из многих. Командиром стала Лайма Скалбе – дилетантка, чье личное дело попало в архив службы безопасности по пустячному поводу. Дубняк зацепил ее и крепко посадил на крючок.

Евгений Корнеев до недавнего времени занимался хакерством – взламывал системы защиты, словно домушник типовые замки. Служба безопасности изловила его только потому, что держала под колпаком один крупный банк, а Корнееву как раз приспичило попрактиковаться. Он столь виртуозно вошел в систему, что специалисты онемели от восторга. Ему тотчас предложили сотрудничество, и он уже было приступил к своим обязанностям в аналитическом отделе, когда Дубняк подгрел его под себя.

Третий член группы, Иван Медведь, даже не знал, что такое оперативная работа. За плечами у него был единственный бой в Афганистане, ранение и служба на военных базах. В первой же «мирной» операции он получил второе ранение, которое должно было поставить точку в его карьере. Но Медведя не успели списать за негодностью – его подобрал Дубняк и пристроил в свою подпольную группу.

Дубняк планировал ликвидировать троицу вместе с тем лицом, которое она охраняла. Но проклятая группа «У» вопреки его расчетам выполнила задание. Индус вернулся к себе на родину, а трое вояк – живые и невредимые! – явились к нему на доклад. Чтобы поддержать свое реноме, Дубняк срочно придумал им новое задание – охранять известную актрису, которая вскоре приедет в Москву и которую якобы собираются похитить. После чего перестал отвечать на их настойчивые телефонные звонки. И в конце концов вообще отключил тот самый мобильный, который служил им единственным каналом связи.

Увидев на экране телевизора ядро отвратительной группы «У», Дубняк почувствовал себя ученым-экспериментатором, который провел неудачный научный опыт и создал чудовище, вырвавшееся на свободу. Однако это было его собственное чудовище! Оно считало его хозяином и время от времени пыталось вернуться, чтобы лизнуть обожаемую руку.

Дубняк бросился к письменному столу, достал тот самый мобильный телефон и уставился на него в ужасе. Телефон был мертв, в него уже давно не поступала энергия, хотя его ничего не стоило реанимировать. Но зачем ему это? Лучше навсегда забыть о группе «У». Однако она действует, черт бы ее побрал! Дубняк не мог избавиться от ощущения, что группа представляет для него опасность. Странное и неприятное чувство.

* * *

Корнеев довез Лайму до ее квартиры, подождал, пока она соберет сумку, и доставил к дому Шаталова. Прежде чем выйти из машины, она попросила:

– Помоги мне снять с киски бант. И хотелось бы все-таки выяснить заранее, кто это – мальчик или девочка.

Корнеев, недолго думая, взял киску поперек туловища и перевернул пузом кверху.

– Мальчик, – уверенно сказал он.

– Ты что! – закричала на него Лайма. – А если бы тебя так – вверх ногами?! Отдай Кларитина немедленно!

– Кларитин – это что, принц какой-нибудь? Или попсовый латиноамериканский исполнитель? Или герой рыцарского романа? – пристал к ней Корнеев. – Ладно, ладно, я в Сети посмотрю.

Пока Лайма прихорашивалась и вытаскивала из машины сумку, он с помощью микрокомпьютера открыл страшную правду и, опустив стекло, радостно сообщил:

– Твоего кота зовут, как упаковку таблеток!

– А тебе не все равно? – ехидно заметила Лайма. – Ты ведь его вряд ли когда-нибудь еще увидишь.

– Не на шапку же ты решила его пустить, – возразил Корнеев. – Кроме того, этот кусок меха нам еще может понадобиться.

– Пока что он понадобился лично мне, – отрезала Лайма. – Жди меня здесь, никуда не уезжай, я скоро.

Она впорхнула в подъезд и побежала по лестнице вверх. Обалдевший от всего произошедшего с ним за день, котенок длинно и тонко кричал.

Когда хозяин квартиры открыл дверь, последнее мявканье повисло в воздухе.

– Это ты! – воскликнул Шаталов потрясенно.

– Это мы, – поправила его Лайма. – Мы приехали к тебе жить.

Она поставила сумку на пол и подошла, чтобы поцеловать любимого. Но как только приблизилась, котенок совершил классический прыжок и очутился на груди Шаталова. Взмахнул по футболке вертикально вверх и вцепился ему в горло. Теперь завопили все втроем. Наконец Кларитина отодрала и поставила на пол. Он немедленно наставил крохотные ушки и двинулся в комнату на нетвердых, широко расставленных лапах.

– Маленький, а наглый! – восхитился Шаталов. – Ты же говорила, что у тебя аллергия на кошачью шерсть?

– Я с этим справилась, – ответила Лайма, похлопав себя по сумке, где лежала начатая упаковка таблеток. – И привезла еще кое-какие вещи. Можно их разгрузить?

– Конечно. – Шаталов внезапно разволновался, как мальчишка. – Пойдем скорее.

Он поднял сумку и понес ее в комнату. Кларитин ходил кругами по ковру и все обнюхивал своим любопытным крохотным носом.

– Может, дать ему сосиску? – спросил Шаталов, задумчиво посмотрев на нового жильца.

– У тебя есть молоко? – спросила Лайма, выгружая из сумки вещи.

– Нет, только йогурт. – Он блестящими глазами наблюдал за тем, как любимая женщина вешает в шкаф толстый махровый халат и выкладывает на журнальный столик косметику.

– Надо купить ему молока, – сказала Лайма и легкомысленным тоном добавила: – Я сегодня забегу в супермаркет. Если, конечно, успею.

– А ты что, – немедленно насторожился Шаталов, – снова собираешься уезжать?

– Ну да, собираюсь. – Лайма схватила пудреницу, уставилась в зеркальце и начала поправлять мизинцем помаду. – У меня еще работы ого-го сколько. Мотаться и мотаться.

– Может, тебя отвезти? – Шаталов старался контролировать свой тон. На самом деле ему хотелось затопать ногами и завопить.

– Не надо, меня внизу коллега ждет.

– Так ты, значит, на пять минут. И вещи, похоже, будешь перевозить частями...

– Я привезла тебе кота! – торжественно сказала Лайма.

– И где ты взяла эту красоту? – полюбопытствовал он.

– Подарили. – Лайма подошла к окну проверить, на месте ли Корнеев. Взглянула вниз, во двор, и заторопилась. – Ну, мне пора. Постараюсь приехать вечером. Сегодня. В крайнем случае – завтра. Но ты ведь меня подождешь, да?

Шаталов тоже выглянул в окно, увидел возле машины Корнеева и стиснул челюсти. Тот самый красавчик-брюнет!

– Конечно, подожду, – пробормотал он. – Ты ведь все равно не оставляешь мне выбора.

Когда за Лаймой захлопнулась дверь, его опять потянуло проследить за ней. Он быстро обулся, схватил сумку и вышел во двор. Машина с брюнетом за рулем уже отъезжала. Спрятавшись за кустами, Шаталов посмотрел, куда она свернет, и побежал к своему автомобилю.

На самом деле Лайма и Корнеев ехали совещаться. Шаталов проводил их до штаб-квартиры и вернулся домой, злой и угрюмый. Про штаб-квартиру он ничего не знал. Ему и дом, и подъезд показались самыми обычными, ничем не примечательными. Он решил, что здесь живет красавчик-брюнет с франтоватыми усами, а Лайма отправилась к нему в гости. Конечно, он ревновал. Тем более что ей нравились усачи. «Мужчина с усами, – говорила она, – все равно что блюдо, приправленное специями: в нем есть и острота, и оригинальность».

Войдя в квартиру, Шаталов немедленно вспомнил про своего нового жильца. Не вспомнить было невозможно: кот сделал лужу, растерзал пакет с бумагами, забытый на полу, и в ключья изодрал свежую газету. Шаталов поразился, как такое маленькое существо могло справиться с таким большим печатным изданием.

– Кыс-кыс! – позвал он, но кот не отозвался.

Шаталов начал поиски, обшарил все углы и закоулки и наконец обнаружил мерзавца висящим на занавеске под самым потолком. Он снял его и собрался отругать, но Кларитин устался на нового хозяина škодливыми блестящими глазами и тут же принялся грызть его палец. Зубы еще только проклевывались, и получалось щекотно. Весь целиком котенок умещался на ладони, и ругать такого «великана» было по меньшей мере неспортивно.

Однако Шаталов не собирался распускать нюни.

– Еще раз напишешь на пол, запру в туалете, – предупредил он.

* * *

Тем временем Лайма с Корнеевым решали проблему связи. Проблема стояла остро. Собственные мобильные телефоны, зарегистрированные на настоящие фамилии, казались им слишком узкими.

– Во время операции, – заявил Корнеев, – мы должны пользоваться незасвеченными номерами.

Он плюхнулся на скособоченный диван, потревожив его старые кости. Диван негодуяще захрипел. Эту квартирку они сняли вместе с обстановкой, решив, что интерьер не имеет значения. Лайма никогда не думала, что можно жить в подобном безобразии. Казалось, что прежние хозяева с маниакальным упорством пачкали обои, выгрызали из стен проводку, царапали линолеум и коптили потолок. Разномастная мебель выглядела так, будто подверглась пыткам, и даже шторы на окнах висели с мученическим видом. Люстра с двумя сломанными патронами походила на рот с недостающими зубами, а несчастный ковер, похоже, пережил нашествие саранчи.

– Но где же нам взять «чистые» телефоны? На друзей, родных и знакомых их тоже зарегистрировать нельзя, – вслух подумала Лайма. – Разве что бегать по улицам и срывать мобильники со шнурков беспечных граждан?

– Есть мысль получше, – заявил Корнеев. Он устроился удобно, развалившись на подушках, расшитых полинялыми утками. Среди прочего разгрома утки выглядели роскошно. – Для наших целей подойдут старики и старушки. Замечено, что на выборах они готовы проголосовать даже за черта лысого, если он им приплатит. Жизнь отечественного пенсионера сегодня так же трудна, как жизнь полярника, зимующего на льдине, – засыпает и просыпается он с мыслью о пропитании. Так что, если мы немного поможем незащищенной категории населения, она с удовольствием поможет нам.

– Ну да?! – не поверила Лайма. – Все-таки это связано с некоторыми трудностями. Телефон надо зарегистрировать, предъявить для этого документы...

– Ну и что? – пожал плечами Корнеев. – По безналичному расчету человек получает только здоровье и совесть. Все остальное продается и покупается, а то ты не знаешь? Мы хорошо заплатим, и проблема решена.

– А где мы возьмем подходящих стариков и старушек? – озаботилась Лайма, радуясь, что так выгодно продала сегодня Медведя в аэропорту и на руках у нее целая куча свободных денег.

– Рынок пенсионных услуг необычайно широк, – заверил ее Корнеев. – Исполнителей можно поискать во дворах на скамейках.

– И вот еще что! – Лайма наставила на Корнеева указательный палец, невольно приковав его взгляд. – Нам нужны документы. Какие-нибудь крутые. Меня сегодня чуть не поймали в

аэропорту с оружием и поддельными паспортами. Никто не застрахован от проверки. Зачем нам лишние проблемы?

– Я уже об этом думал. – Корнеев положил на колени ноутбук и откинул крышку. В глазах его сверкнул жадный огонь. Он был похож на курильщика, который с утра сидел на голодном пайке и наконец добрался до сигарет. Ноутбук призывно пиликнул, готовый поглотить Корнеева без остатка.

– Евгений, подожди! – потребовала Лайма. – Повремени. Мы ведь не договорили. У тебя есть идеи по поводу документов?

– Ну... – Тот завел глаза с видом дегустатора, положившего в рот нечто неопознанное. – Корочки нужны неслабые. Такие, чтобы менты отсыхали сразу.

– В ментах столько здорового цинизма, – засомневалась Лайма. – И никакого воображения. Даже не знаю, в каком обличье перед ними лучше всего предстать. Кем мы будем?

– Сотрудниками секретной военной лаборатории по изучению смертельно опасных вирусов, – предложил Корнеев.

– Нет, это слишком длинно. И с военными лучше не связываться. Давай придумаем какое-нибудь ведомство, чтобы нас не приперли к стенке, если вдруг что. Вряд ли можно привлечь к ответственности человека, который представляется сотрудником несуществующей организации. Однако звучать это должно солидно, понимаешь? Что-нибудь такое, что сразу испугает и рядового гражданина, и чиновника. Допустим... Мэ-э-э... Федеральная служба интеллектуального надзора.

– Сокращенно получается ФСИН, – задумчиво сказал Корнеев. – Нет, это не катит. Пусть лучше будет Федеральная антитеррористическая служба безопасности. Если вдуматься, то глупо, а если не вдумываться – весьма внушительно. Сокращенно получается – ФАСБ. А произносится вообще волшебным образом – ФАЭСБэ. Вот это звучит!

– Но если нас на этом повяжут...

– Шутишь! – Корнеев нетерпеливо погладил упругую клавиатуру ноутбука. Ему хотелось как можно скорее завершить разговор. – Тут логика простая. Если ты высокий чин и не знаешь о Федеральной антитеррористической службе безопасности, значит, тебя просто не посвятили. Ты не принадлежишь к кругу избранных. Ручаюсь, что никто и никогда не докопается до правды.

– А ты сможешь сделать подходящие удостоверения? – с надеждой спросила Лайма.

В сущности, она почти не сомневалась в успехе. Там, в виртуальном подпространстве, существовало некое информационное братство, к которому Корнеев, безусловно, принадлежал. Это братство было могущественным, словно тайный орден, и обладало неисчерпаемыми мозговыми ресурсами.

– Я – смогу, – самодовольно ответил он. – Только для этого мне нужно немного времени. А ты пока свари нам по чашке кофе. Пожалуйста.

Но до кухни Лайма не дошла – телефонный аппарат на журнальном столике внезапно вздрогнул и разразился рассерженными звонками. Оба с недоумением уставились на него. Аппарат был новенький, обтекаемо-белый, словно облизанное эскимом, и в запущенной комнате выглядел как предмет инопланетной техники. Кроме Медведя, номер телефона штаб-квартиры никто не знал, а Медведь должен был позвонить только вечером. Возможно, произошло нечто экстраординарное? Сандру Барр уже похитили?!

Лайма медленно потянулась к трубке – пальцы дрогнули. Ей не нравилось быть секретным агентом. Приходилось постоянно подбадривать и воодушевлять себя всякими патристическими глупостями. Не то чтобы она боялась за свою шкуру, хотя порой ей и было до смерти страшно. Нет, пугала ответственность, которую на нее вваливали против воли. Вот, например, сейчас она отвечает за жизнь Сандры Барр. Лично отвечает, как командир группы специального назначения.

– Лайма? – услышала она сдавленное восклицание в трубке и одними губами пояснила для Корнеева: «Это Иван». – У меня тут ЧП!

Его голос был таким глухим, словно он залез с телефоном под одеяло. Глухим и испуганным.

– Докладывай.

Она привыкла пользоваться командирскими словечками, заметив, что ее подчиненные реагируют на это самым положительным образом. Она будто бы напоминала им о своем статусе. И все равно – то один, то другой бессознательно начинали ее опекать. Однако сейчас Медведю самому требовалась опека.

– Сандра кое-чего хочет от меня. – Он заговорил жалобно, как маленький мальчик, жалующийся маме на школьных приятелей. – Ведет себя совершенно беззастенчиво... Фергюссон спит, а она решила на ночь забрать меня к себе в номер. Что делать?

– Как что делать? – вознегодовала Лайма. – Ты окажешься наедине с самой сексапильной женщиной планеты! Начни с поцелуя в щечку.

– Но я так не могу, – возразил Медведь таким придушенным голосом, словно Сандра Барр уже разложила свой трофей на ковре и поставила на него ножку в золоченой туфле. – Мне нравятся застенчивые девушки, за которыми нужно долго ухаживать...

– Господи, – рассердилась Лайма. – Нашел время капризничать! Забудь о застенчивых девушках. С сегодняшнего дня тебе нравятся уверенные в себе киноактрисы.

– А вдруг у меня ничего не получится, и я опозорю родину?!

Лайма несколько секунд молчала, потом сказала:

– Закажи в номер водки. Грамм сто, чтобы не развезло. Вот увидишь, все будет тип-топ, Сандра сама обо всем позаботится.

В ответ Медведь провыл что-то по поводу того, что водку он уже пил, и невежливо отключился. Лайма положила трубку и подняла голову, но объяснять Корнееву ничего не пришлось – на диване сидела только его брэнная оболочка, дух же, воспользовавшись моментом, улизнул в виртуальный мир. Экран ноутбука горел ровным голубым светом, ласкавшим благородное лицо Евгения. Кофе для него можно было не варить.

Лайма вздохнула и отправилась на кухню. Здесь было не так тоскливо, как в комнате, потому что она отдраила все рабочие поверхности и прикрыла особо страшные места салфетками. Прочищенная раковина, вся в прожилках длинных трещин, похожих на разветвляющиеся реки, послушно проглатывала пущенную воду. Прodelав положенную процедуру приготовления кофе, Лайма водрузила турку на огонь и принялась напевать, постукивая ногой. На столе грудой лежали журналы с веером цветных закладок – статьи о Сандре Барр, вдумчиво прочитанные, с отчеркнутыми фломастером важными деталями.

Наполнив до краев чашку, Лайма устроилась на табурете и принялась рассеянно листать страницы, разглядывая цветные фотографии. Теперь, когда она увидела Сандру Барр живьем, делать это было по-новому интересно. Вот звезда выходит из лимузина, вот она получает главный приз кинофестиваля, вот она под руку с самым скандальным режиссером Голливуда, а здесь – в обнимку с Гектором Куком. Вот она раздает автографы после премьеры «Шоколадной девушки». Кажется, на ней даже те же самые солнечные очки, на которые Лайма обратила внимание сегодня в аэропорту.

Забавно, но у нее тоже есть автограф – закорючка, лично нарисованная знаменитостью на полупрозрачном листке, вырванном из блокнота. Если бы захотела, Лайма могла бы даже дотронуться до размятой массажистами, увлажненной косметологами, упругой, шелковистой, дорого пахнущей кожи. Некоторые люди спят и видят, как они прикоснутся к чему-нибудь подлинному. И ездят за этим на край земли – ощупать египетского Сфинкса, влезть на Эйфелеву башню, продавить пятками снежную шапку Джомолунгмы, потрогать Сандру Барр...

Снимок с раздачей автографов почему-то насторожил Лайму. Что-то в нем было не так. Она сняла журнал со стола и положила себе на колени. Долго и задумчиво смотрела на него, потом встала и сделала вид, что подписывает фотографию. Сверилась со снимком, чертыхнулась, бросила журнал и принялась лихорадочно раскрывать одно красочное издание за другим, разыскивая похожие. Нашла четыре штуки. Сандра Барр в окружении поклонников – лица у всех дикие, головы всклокоченные, словно за место возле актрисы приходилось драться не на жизнь, а на смерть. Сандра Барр раздает автографы. Автографы! Вот где зарыта собака...

Ее догадка подтверждалась. Она была невероятной! Лайма катала ее на языке, боясь, что она сорвется с него раньше времени – недозрелая, кое-как сформулированная – и не будет принята всерьез. Прежде чем обрушивать ее на мужчин, нужно как следует подготовиться.

В комнате что-то стукнуло, и Лайма поспешила на шум. Корнеев добровольно возвратился в мир живой природы и уже зашнуровывал ботинки, которые бессознательно скинул во время погружения.

– Я вот подумал, – поделился он, стоя, подобно страусу, вниз головой, – что нам нужно для документов сфотографироваться в форме. Или хотя бы в фуражках. Чтобы произвести впечатление, надо добавить к внешнему виду что-нибудь особенное, какую-нибудь общую деталь, ловишь мою мысль?

– А пусть это будет пилотка, – предложила Лайма.

В одном из только что просмотренных журналов, в коллекции знаменитого парижского модельера, она углядела черную с белой строчкой пилотку, которая произвела на нее большое впечатление. К пилотке прилагался такой же отстроченный френч.

Она сбегала на кухню, принесла журнал и показала Корнееву. Тот одобритительно хрюкнул, скатал его трубочкой и сунул в пакет.

– Сканирую снимок, увеличу, потом приделаю пилотку к головам и погляжу, как мы будем смотреться. Если хорошо, сразу пушу фотографии в работу. Думаю, к завтрашнему дню корочки будут готовы. Дело непростое, поэтому до утра меня не жди.

– А что с телефонами?

Корнеев посмотрел на часы и сказал:

– Самое интересное время для посиделок: народ пошел с работы, есть тема для пересудов. Думаю, пенсионеров на лавках – пруд пруди. Если хочешь, пойдем вместе, попытаем счастья.

* * *

В офисе компании – крупнейшего оператора мобильной связи – все шло своим чередом. Кассиры, словно в скворечниках, сидели в своих окошках, принимая платежи. Основательные менеджеры по продажам оформляли договоры, совершая рутинные действия в привычной последовательности. Правда, сейчас приходилось проявлять расторопность – в зале выстроилась очередь, завернувшаяся хвостом к витринам с образцами моделей.

Очередь, как это ни странно, целиком состояла из старушек весьма преклонного возраста, одетых в разномастные ситцевые платья. Одни сжимали в руках целлофановые пакеты с наличными, другие имели при себе ридикюли, третьи держали наготове вытертые на сгибах кошельки с облупившимися кнопками. Самой молодой из посетительниц вчера исполнилось семьдесят семь лет.

Первым на этот социологический казус обратил внимание старший менеджер. Странное нашествие пенсионерок его поначалу даже развеселило. Их было много, никак не меньше дюжины. «Дети и внуки отправили, – подумал менеджер. – Старушенциям все равно целый день делать нечего». Станным было то, что они пришли в офис одновременно, словно сговорились заранее.

Постепенно все работники сообразили, что происходит нечто из ряда вон выходящее – клиентки одна за другой подсаживались к столам и покупали трубки самых разных фирм, с легкостью переваривая четырехзначную цену.

– Мне подключите безлимитный тариф, – потребовала бабушка с гребнем, воткнутом в воздушный пучок, сооруженный на макушке.

Вторая, обернутая в тончайшую пергаментную кожу, с бирюзовым перстнем на крохотной лапке, потребовала определитель номера. Третью, внушительных размеров старуху, обутую в обрезанные лаковые боты, напротив, интересовал антиопределитель. Четвертая, тощенькая и шустрая, с глазами-бусинками, похожая на ящерицу, продемонстрировала потрясающую осведомленность в вопросе посекундной тарификации.

Когда нашествие старушек завершилось, старший менеджер позвонил домой и спросил у жены:

– Свет, ты ничего не слышала? Пенсии, случайно, не индексировали? В Интернете сообщений никаких нет. Может, в новостях скажут? Просто удивительно. Почему-то именно сегодня благосостояние пенсионеров резко повысилось. Звякни матери, поинтересуйся. Да просто любопытно. Потом мне перезвони.

Старушки гуськом выходили из офиса и все, как одна, сворачивали за угол. Корнеев поджидал их в уютном дворике под корявой липой, оцетинившейся коротко остриженными ветвями. В руках у него была вместительная сумка, куда его агентура ссыпала картонные коробки с новенькими, только что подключенными телефонами. Щедрой рукой благодетель раздавал доллары, полученные за проданного Лаймой в сексуальное рабство Медведя.

Лайма, впрочем, ни чуточки не переживала по этому поводу. Ее представления о моральном облике секретного агента были дремучими и корнями уходили в те благословенные годы, когда роль Джеймса Бонда исполнял еще Шон Коннери. У Бонда в каждой серии были новые девушки, и он не заикливался на том, чтобы хранить верность какой-нибудь одной. Ее Величество, на секретной службе у которой состоял самый известный из шпионов, требовала преданности делу, а не женщинам. Медведь, по разумению Лаймы, должен был действовать по той же схеме, завязывая и разрывая необременительные отношения, возникающие в ходе операции.

Корнеев передал Лайме мешок с телефонами, и она отправилась к себе домой – разбираться. Разделила их на три части – по четыре штуки. Записала в электронную память каждого телефона номера всех остальных. После этого решила посмотреть новости. Ей удалось захватить несколько информационных выпусков, повторявших дневные сюжеты с пресс-конференцией, которую Сандра Барр дала в аэропорту, а также с раздачей автографов. Именно на этот процесс Лайме как раз и хотелось посмотреть еще раз – проверить себя.

Взгляд ее сейчас был особенно придирчивым. Она рассматривала голливудскую звезду без придыхания, внимательно, словно психиатр, которому показали сложного пациента в привычной для него обстановке. И нашла кучу подтверждений возникшей у нее версии. Раскраснелась, разнервничалась, схватила лист бумаги и записала все, что посчитала особенно важным.

Сандра Барр, фотографиями которой были до самых корешков наполнены специальные киношные журналы, писала левой рукой. А Сандра Барр, прилетевшая в Москву, держала фломастер в правой. И очень ловко справлялась со своей задачей. Или звезда могла писать с одинаковой ловкостью обеими руками, или...

Впрочем, ерунда. В Америке не переучивают детей писать «правильной» рукой. Но это только половина новости. «Московская» Сандра была чуть ниже ростом. Лайма пересмотрела кучу снимков, на которых звезда стояла рядом со своим агентом. Если сравнивать с Фергюсоном, то она точно потеряла сантиметра три-четыре. Почему никто, никто не обратил на это внимания?!

Неожиданно Лайма подумала, что Корнеева и Медведя вряд ли поразит ее теория о двух Сандрах. Различие в росте они опротестуют, ссылаясь на каблуки, а потом еще потратят кучу драгоценного времени, придумывая, как заставить американку написать что-нибудь левой рукой. Необходимо доказать им свою правоту – быстро и качественно.

Лайма сразу же придумала способ доказательства. Она вымыла волосы и накрутила их на бигуди, отпарила выходное платье и достала из шкафа коробку с босоножками на высоченной шпильке. В последний раз она надевала их, когда хотела потрясти воображение Шаталова. Хотя про Шаталова сейчас лучше вообще не думать.

Лайма заснула только под утро, с включенным светом, поверх одеяла окруженная десятками фотографий, неаккуратно выданных из журналов. Это были те самые аргументы, которые она собиралась предъявить Корнееву и Медведю.

Медведь обязался позвонить после утренней побудки и доложить обстановку. Рассказать, где вся компания была вечером, не объявились ли возле Сандры Барр новые люди, не случилось ли чего странного и подозрительного ночью. И какую все-таки роль дива отвела самому Медведю.

Телефонный звонок вырвал Лайму из глубокого сна, протасил по его черной бугристой поверхности и выбросил из кровати. Лайма села и некоторое время тупо смотрела в окно. Солнце взобралось высоко и пыталось проникнуть сквозь занавески. Однако для него была оставлена только узкая щелка, в которую просунулся длинный раскаленный луч. Лайма пробежала по этому лучу к телефону, шлепая босыми ступнями.

– Да! – сказала она, плотно прижав трубку к мятому уху. За ночь голос как будто слежался и противно похрипывал. – Я слушаю!

– Привет, – поздоровалась трубка голосом Шаталова. – Звоню поздравить. Твою фотографию напечатали все утренние газеты. «Глухонемая женщина прорывается за автографом к любимой актрисе», – процитировал он. – Ты стоишь на четвереньках с безумным лицом, а окружающие смотрят на тебя с нечеловеческим сочувствием.

– Не может быть, – пробормотала Лайма, решившая, что вчерашнее происшествие можно считать недействительным. Забыть, как ночной кошмар.

– Поужинаем вместе? – спросил Шаталов. Его просто распирало желание как-то вклиниться в ее жизнь, и не просто вклиниться, а возобладать в ней.

Получилось, что вчера его отодвинули на второй план. Он мог бы смертельно оскорбиться, но испытывал слишком сильные чувства, чтобы рвать отношения.

– Ой, Геннадий, я пока ничего не могу спрогнозировать... – расстроилась Лайма. – Если у меня образуется окно...

Нет, так не годилось, совсем не годилось. Шаталов занервничал. Ее существование было расцвечено опасностями, тайнами и украшено, как ни прискорбно, головокружительно красивыми коллегами. Что он мог этому противопоставить? Деньги? Лайма наверняка не бедствует. Любовь? Красивые блондинки принимают любовь как должное. Нет-нет. Лайма должна *нуждаться* в нем. Жажда его общества, в трудную минуту просить о помощи...

Вот! Шаталов нащупал, кажется, то главное, что могло привлечь к нему любимую женщину. Помощь. Своевременная, не требующая благодарности – мужская.

– Конечно, – ответил он повеселевшим голосом. – Если образуется окно, позвони.

Лайма отвела запиликавшую трубку от уха и удивленно уставилась на нее. Странная реакция. Она думала, что Геннадий будет раздражен. Свежие кавалеры зачастую более требовательны, чем законные мужья. Кажется, ей попался идеальный вариант.

Она подгрребла к себе журналы, разбросанные по одеялу. Сейчас, при свете дня, ее версия казалась даже более убедительной, чем ночью. Как она ухитрилась заснуть? Нужно вытащить Медведя из гостиницы, устроить большой совет, предпринять что-то!

Лайма сбегала в душ, сняла с волос бигуди и позвонила Корнееву.

– Алло, – ответил он бодреньким голосом. Как будто ему удалось выспаться, а службу за него ночью несла какая-нибудь Василиса Премудрая. – Привет, командир. Я собираюсь ехать к гостинице, чтобы держать объект в поле зрения. Медведь ко мне присоединится.

– Медведь? – удивилась Лайма. И, сощурив глаз, уточнила: – Он что, опозорился перед мировой знаменитостью? Она его выставила?

– Нет, его уволил Фергюссон, – ухмыльнулся Корнеев. – Не волнуйся, американец не потребовал возмещения ущерба. Даже наоборот, приплатил нашему герою. Но все равно. Это неудача. Рядом с Сандрой Барр теперь никого нет, поэтому я еду к гостинице.

– С Сандрой Барр с самого начала никого не было, – выпалила Лайма.

– Как это? – удивился Корнеев. – Что-то я...

– Я тебе потом все объясню, – она пошла на попятный. – Слушай меня внимательно. Я тоже скоро подъеду к гостинице. Подходить к вам не стану, дождусь, когда на улице появится Сандра Барр. Вы должны внимательно наблюдать за происходящим. Смотрите на меня и на Сандру, хорошо? Сравните нас. И ничего не предпринимайте. Что бы ни случилось, не мешайте. Понятно?

– Понятно, – крикнул Корнеев. – Есть ничего не предпринимать.

Он положил трубку и пожал плечами. В это время Медведь, бурно переживающий свое ночное приключение, без аппетита завтракал в ресторане гостиницы.

– Там, наверное, дорого, – предположил Корнеев, когда узнал о его времяпрепровождении.

– Вам же за меня заплатили, – с горькой обидой парировал тот. – Кроме того, мне отлично виден главный вход. Считаю, что я на наблюдательном посту.

– Учти, этой бабе машину мигом подадут, ты и крикнуть не успеешь!

– Не бойсь. Тут леваков больше, чем блох на собаке. Догоню, если потребуется. Кроме того, тебе добираться всего полчаса. За полчаса она не успеет улизнуть.

...Изгнание Медведя с вершины кинематографического олимпа произошло следующим образом. По дороге из аэропорта Иван с помощью переводчика втолковывал любознательному Фергюссону, чем отличается самовар от чайника и что именно подразумевает ритуал одномоментного выпивания двухсот граммов сорокаградусного алкогольного напитка.

Майка почему-то больше всего заинтересовал сосуд, из которого придется пить, так как за всю его сорокалетнюю жизнь, богатую событиями и приключениями, ему ни разу не доводилось держать в руках ничего, напоминающего «граненый стакан». Очевидно, сказались слабости перевода или невозможность простыми словами описать обычный граненый стакан советского образца, потому что Фергюссон так и не понял, что это за посуда, однако был сильно заинтригован.

Медведь, со своей стороны, старался не разочаровать гостя, мысленно уже прикидывая, как он, ловко спаивая американца, будет находиться рядом с кинозвездой, выполняя возложенное на него сложнейшее поручение. Единственное, что всерьез беспокоило Ивана, – как бы не переиграть в самобытность. Век Интернета все-таки во многом развеял дремучее невежество народов мира по отношению друг к другу. Но пока вроде все шло нормально.

По прибытии в гостиницу господин Фергюссон решительно заявил, что намерен начать период адаптации в загадочной азиатской стране немедленно. В связи с чем он сам, в неизменных шортах и футболке, его «большой русский друг», обливающийся потом в жарком треухе, который так и не решился снять, и очумевший от всего произошедшего, а заодно и грядущего переводчик Константин немедленно очутились в баре, расположенном этажом выше, чтобы сей же час попробовать коктейль под названием «Стакан водки».

К их величайшему изумлению, водки в баре не оказалось. Виски, мартини, шампанское, текила, французские, испанские, португальские, чилийские и грузинские вина, десяток сортов темного и светлого пива – было все что угодно, кроме банальной русской водки. А после того

как Медведь поинтересовался, есть ли здесь граненые стаканы, бармен взмахом руки призвал подойти поближе местного вышибалу.

Тогда троица переместилась в ресторан на первом этаже отеля, где в большом зале собралось довольно много народа. Подсочивший к новым гостям метрдотель быстренько усадил их за неудобный маленький столик рядом с дверью на кухню и удалился, вежливо намекнув, что, хотя летом гардероб и не работает, меховую одежду можно оставить при входе на попечение швейцара. Медведь намек предпочел проигнорировать – отвратительная пахучая ушанка до сих пор была для него всем: легендой, алиби, пропуском в окружение Сандры Барр.

Подошедший официант после непродолжительного перечня пожеланий объяснил, что водки есть много, и разной, но вот последний граненый стакан был замечен в сих славных пятизвездочных стенах лет десять тому назад. Тут только оптимист Фергюссон стал понимать, сколь непростое дело затеял. Он жалобно взглянул сначала на переводчика, потом на Медведя, и тому вдруг показалось, что агент сейчас расплачется.

Сложно сказать, что двигало им в большей степени – служебный долг или оскорбленное в лучших чувствах национальное самосознание, но Иван решительно поднялся из-за стола, рванул на груди рубаху и проревел:

– Будет вам стакан! Ждите здесь! – затем бухнул кулаком по столу перед носом Константина и гаркнул ему: – Переводи!

В зале на мгновение воцарилась тишина, а испуганный абсолютно немотивированной, как ему показалось, вспышкой гнева переводчик напрочь лишился дара английской речи и пискнул по-русски, глядя на Фергюссона:

– Будет стакан, будет, будет.

Ивана это успокоило, и он быстро выбежал из ресторана в холл отеля, а уже оттуда, не задерживаясь, – прямо на улицу.

Оглядевшись по сторонам, он вдруг понял, что совершенно не представляет себе, где же раздобыть проклятый стакан. «Господи, – подумалось Ивану, – скажи кому хотя бы во время Московской олимпиады, что для иностранца граненого стакана в столице не сыскать, – в дурдом бы упекли». Он стал соображать, где в последнее время видел заветную посуду, но ничего не припомнил. Столовые, забегаловки, пельменные и рюмочные, где из этих самых стаканов пили все – от водки до чая с компотом, были сметены новейшим временем и исчезли во тьме веков, унеся с собой граненое счастье.

Остановив первую же машину, Медведь велел водителю ехать на площадь трех вокзалов. «Может, у алкашей каких заваялся, или у поездных бригад поспрашивать – они же там чай пассажирам во что-то разливают», – мелькали судорожные мысли. Водитель быстро погнал машину, с опасением поглядывая в зеркало заднего вида на огромного мужика в зимней шапке, лихо сдвинутой на затылок, и с озабоченной физиономией.

Алкаши сильно разочаровали Медведя – они выпивали из несвежих пластиковых стаканчиков, подобранных возле привокзальных кафешек. Но, как часто случается, в самый критический момент, когда кажется, что все идет прахом, происходит чудо. Чудо снизошло к Медведю в лице развеселой молодой девахи, проводницы поезда Москва – Мурманск, которая, проявив чрезмерное человеколюбие, выдала Ивану казенный инвентарь, числившийся за поездом с 1982 года. Через две минуты, сунув девахе сотню и неуклюже отговорившись от любезного приглашения «немного отдохнуть» в служебном купе, Медведь уже неся в сторону автомобильной стоянки. Драгоценный стакан с вожденными гранями для безопасности завернул в треух. Еще через пятнадцать минут он строевым шагом входил в уже изрядно опустевший ресторанный зал отеля. Проклятый треух пришлось снова водрузить на голову, а стакан переложить в карман пиджака.

Медведь с облегчением заметил, что честная компания пребывает все за тем же неудобным столиком. Фергюссон, увидев «большого русского друга», который с сияющим лицом шел

к ним через зал, отставил в сторону высокий бокал с цветным коктейлем. Переводчик Костя не обратил на триумфатора вообще никакого внимания, так как, вопреки всем существующим международным традициям, был пьян, что подтверждала на две трети пустая бутылка «Джек Дэниэлз», а единственная рюмка, которую он сжимал в кулаке, подчеркивала тот грустный факт, что виски выпит им единолично. Стало ясно, что вся предшествующая жизнь не подготовила Константина к стрессовым ситуациям.

Без услуг переводчика общение с американцем было исключено – бородатый строго наказал Медведю делать вид, что по-английски он ни бум-бум. Пришлось срочно принимать меры. Уже через пять минут, в мокрой рубашке, с взлохмаченными волосами, но с вполне осмысленным взглядом, Костя был готов осуществлять более-менее полноценный контакт между народами.

Словно почувствовав важность момента, подбежал официант.

– Бутылку «Столичной», только не в графине, а как есть, – приказал Медведь.

Нечетко ориентирующийся в пространстве Константин начал было переводить официанту заказ, но Медведь вовремя прикрыл ему рот ладонью.

– Закусывать чем будете? – поинтересовался официант.

– Ну, как положено: грибочки, рыбка красненькая, икра. Да, соленого огурчика, если есть...

Тут Иван остановился и задумчиво посмотрел на Фергюссона, который напряженно вслушивался в чужую речь. Костя, который все еще жил в ином измерении, соображал явно с большими паузами. Иван дернул его под столом за штанину и сказал:

– Да переводи же ты, тютя! И спроси, он горячее будет, или закусками обойдемся?

Костя добросовестно перевел, и Фергюссон немедленно поинтересовался, что такое *zakuska*.

– Слушай, объясни ему, ты же переводчик, – рассердился Медведь, которого просто распирало перейти на английский.

В ответ на его угрозу Константин, вдруг обретший несвойственную ему ранее наглость, развязно заявил:

– Ты же у нас подрядился быть скоморохом, вот и давай, действуй.

Но, взглянув на враз окаменевшее лицо, обрамленное овчинными ушами, съежился и залопотал по-английски, к радости приунывшего было Фергюссона.

Наконец стол накрыли, и наступил момент истины. Откупорив бутылку «Столичной», Иван бережно достал из кармана заветный стакан и поставил в центр стола. Фергюссон как замороженный смотрел на экзотический продукт мутного стекла с выщербленным краем. Затем бережно, словно фарфоровую китайскую вазу эпохи Мин, взял его в руки и стал поворачивать в разные стороны, покачивая головой и прищипывая языком.

Однако не успел Медведь порадоваться столь неожиданному успеху своей миссии, как задумчивая улыбка с лица Фергюссона стала медленно сползать. Кончик носа американца нервно задергался, и через секунду он уже откровенно принюхивался к предмету, который держал в руках. Затем, поднеся стакан к самому лицу, брезгливо скривил губы. Наблюдавшие за этими метаморфозами Медведь и Костя поняли, что дело пахнет керосином. Нет, точнее, не керосином, а черт знает чем. Плохо вымытый ленивой проводницей, побывавший в овчинном треухе и у Ивана в кармане стакан впитал все запахи окружавшей его среды.

Медведь оценил ситуацию как критическую и решил действовать быстро, не давая противнику опомниться. Он взял из рук скисшего агента пахучий стакан и со словами «От грязи микробы дохнут!» налил его доверху.

Костя перевел, американец замер и испуганно посмотрел на Ивана. Похоже было, что он мысленно прощается с жизнью. Тут переводчик догадался добавить от себя, что это идиоматический оборот, и прояснил его смысл. Фергюссон нахохлился.

– Мы будем пить из него? – уточнил он.

– Из него, родимого, – пробасил Медведь. – Зря я, что ли, его для вас разыскивал! – И поставил полный до своих грязных краев стакан прямо перед американцем.

– Но здесь много, мне не надо так много, – заныл деморализованный Фергюссон.

– А кто просил тяпнуть стакан водки? Пушкин? – расстроился Медведь. Он столько сил потратил на добывание этого стакана, и что же?!

– Пушкин – ваш великий поэт, – напомнил сбитый с толку Фергюссон переводчику. – Он тоже пил водку? Все русские пьют водку...

– И ты пей, – сурово приказал Медведь Фергюссону. – Пей до дна!

Костя, почувствовав, что дело движется к скандалу, дрожащим голосом перевел. Тогда Фергюссон медленно понес стакан к пересохшим губам, расплескивая водку на голые колени.

– Стоп, – вдруг сказал Иван. – Стоп. Константин, блин, скажи ему «стоп». Я же его не проинструктировал, как это по науке делается, а то загнется ведь, они же так не пьют.

Фергюссон послушно застыл со стаканом в руке. Вид у него был как у приговоренного к смертной казни, которому уже и петлю накинули на шею, но тут вдруг прискакал посланец короля с приказом о помиловании.

– Значит, так, – начал Иван, обращаясь к американскому гостю, который смотрел на него во все глаза. – Задерживаешь дыхание, затем одним залпом вливаешь в себя стакан, берешь огурец или кусок черного хлеба, быстро и вдумчиво нюхаешь. И только затем выдох. Вот это и значит – «тяпнуть стакан водки». А как закончим с этим, будем чай из самовара пить. Йес?

Процесс смертной казни двинулся своим чередом – за дело взялся толмач Костя. В объяснение он вложил всю душу, но Фергюссон потребовал демонстрации процесса. Пришлось Ивану отобрать у него стакан и осушить его одним могучим глотком. Занюхал он это дело по старой памяти рукавом. И хотя новый импортный пиджак явно не годился для такого ответственного момента, но ничего. На недоуменный взгляд американца, сопровождавший это странное действие, Иван ответил в том смысле, что можно и так, но это уже совсем по-русски.

Воодушевленный живым примером, Фергюссон быстро схватил стакан, заново налитый Медведем, и лихо опрокинул его в себя. Одного глотка, правда, не вышло, поэтому эффект получился сногшибательный. Не вошедшая полностью в американское нутро водка фонтаном рванула обратно. Фергюссон с выпученными глазами стал судорожно хватать воздух ртом и рыскать по столу в поисках того, что следовало по инструкции нюхать. Не нашел, схватил правой рукой левую, подтащил ее к носу и понюхал свою кожу. Это не помогло, и он быстро наклонился к переводчику, пытаясь дотянуться до короткого рукава его летней рубашки. Не почувствовав желанного облегчения, Фергюссон рванул через столик к Ивану, вцепился скрюченными пальцами в рукав его пиджака и застыл в нелепой позе, почти не подавая признаков жизни.

...В номер Фергюссона несли вчетвером – Медведь и Константин тащили тяжелую верхнюю часть и поддерживали мотающуюся в разные стороны голову, официанту и швейцару досталось по голой мосластой ноге. Ноги были облиты водкой и выпачканы раздавленной красной икрой. Руководил торжественным мероприятием любезный метрдотель. Пожелав находящемуся в бессознательном состоянии постояльцу доброй ночи, сотрудники отеля тихо удалились.

Окончательно протрезвевший Константин черкнул Фергюссону записку с обещанием появиться рано утром и, сунув ее под мобильный телефон американца, вежливо раскланялся с Медведем, бросив ему напоследок:

– Ну, ты даешь, парень.

Медведь абсолютно не представлял, что будет завтра. Главное – он в гостинице, на том же этаже, что и Сандра Барр. Он слышал, что сегодня звезду никуда не повезут, она принимает визиты. С визитами идут известные люди – их и проверять не надо. А вот что делать дальше?

Надо бы связаться с Лаймой и получить дальнейшие указания. Впрочем, американец в любом случае на его совести. Предстоит дожидаться его пробуждения и выяснить, что еще он хочет увидеть и пережить в России.

До утра за Фергюссона можно было не волноваться. Другое дело – Сандра Барр. Звезды – существа до невозможности капризные и непредсказуемые. Что, если ей тоже захочется экзотики: посмотреть мужской стриптиз или купить себе бусы с уральскими самоцветами? В любом случае надо удостовериться, что актриса на месте и ей ничто не угрожает.

Иван вышел в коридор и сразу же свернул налево: ориентирование на местности было его сильной стороной. Фергюссон раз двадцать упоминал, в каком номере остановилась звезда экрана. На заветной двери не висело никакой таблички, и внутри было тихо, словно в усыпальнице. Медведь огляделся и приложил к двери свое чуткое ухо. «Прямо кино!» – успел подумать он, и в этот миг, точно как в кино, дверь неожиданно подалась, и ему пришлось ухватиться за наличники, чтобы не ввалиться внутрь.

На ногах он удержался, но отскочить не успел и совершенно неожиданно очутился нос к носу с мировой знаменитостью. Впрочем, нос к носу – это преувеличение: Сандра Барр была значительно ниже его ростом и, кроме того, стояла босиком, одетая в пеньюар хищной пятнистой расцветки.

– А, ты тот самый парень! Рада тебя видеть. Повеселимся? – воскликнула она на своем родном языке, уверенная, что Медведь ее отлично понимает.

– Я должен охранять Фергюссона, – быстро ответил он.

Он растерялся. Еще бы не растеряться, когда тебя берет за руку и тащит за собой женщина, при виде которой пускает слюни вся половозрелая часть мужского населения планеты.

– Сейчас ты пойдешь в душ, – предупредила Сандра. – А я пока закажу шампанское. Придется тебе мокрым пить его: боюсь, для такого большого мальчика в гостинице не найдется халата.

– Я не могу, – попытался отговориться Медведь. И с отчаянием добавил: – Я не хочу!

– Хочешь, хочешь! – заверила звезда, втянула его в номер, развернула и ногой захлопнула за собой дверь.

Майку Фергюссону всю ночь снились кошмары. Огромные русские мужики в отвратительных шапках скручивали его веревками, целиком погружали в бочку с водкой, и он в ней захлебывался. Наконец ему удалось развязать руки, и он стал раскачивать бочку, надеясь завалить ее набок, чтобы отвратительная горькая жидкость больше не затекала внутрь. Он напрягся изо всех сил, со страшным криком рванулся в сторону, и проклятая бочка упала. Водка разлилась по земле, но не впиталась в нее, а образовала большую лужу. А Фергюссон, всемирно признанный агент, крупнейший деятель Голливуда, встал на четвереньки и начал пить прямо из лужи, большими глотками, отрываясь только затем, чтобы понюхать оторванный от чьего-то пиджака и пахнущий дрянью рукав.

В конце концов Майк упал с кровати и замер, пытаясь понять, что произошло. Медведь, недавно вернувшийся после принудительного секса, хмуро сидел в кресле, напивлив на голову осточертевший трюх. Когда американец загрохотал на пол, Медведь вскочил, подошел поближе и наклонился посмотреть, все ли с ним в порядке. На всякий случай соорудил на лице ободряющую улыбку. Фергюссон, только что выплывший из своих ночных кошмаров, с трудом разлепил глаза и увидел над собой огромную небритую морду в жуткой меховой шапке. Морда улыбалась ему, и это было невыносимо. Фергюссон снова прикрыл глаза и вдруг отчетливо вспомнил весь вчерашний день. Вспомнил и этого человека, и все то ужасное, что было с ним связано.

В дверь номера вежливо постучали. Так как американец продолжал хранить молчание, Медведь сам крикнул:

– Входите! Чего вы там?..

Вошел переводчик Константин, чисто выбритый, выглаженный, строгий и корректный, как будто его вчера с ними и не было. Оглядев номер, он обратился непосредственно к американцу, вежливо поинтересовавшись:

– Как ваше самочувствие?

Тот лишь застонал в ответ.

– Спроси его, чай из самовара пить пойдем? – потребовал Медведь.

Реакция на этот совсем уже невинный вопрос оказалась такой бурной, что оба россиянина слегка опешили. Фергюссон вскочил, стал размахивать руками, хватать какие-то вещи и кидать их в Ивана. А когда вещи закончились, сел на пол и тихо заплакал.

– Ну, и что он сказал? – спросил Медведь, хотя все отлично понял.

– Если суммировать, мой подопечный надеется больше никогда тебя не видеть. И даже готов за это заплатить. – Костя сделал невинные глаза и уточнил: – О цене спрашивать?

Глава 3

Лайма между тем оделась и причесалась так, чтобы поражать воображение, и первым, кого она поразила, оказался слесарь, встреченный ею на лестничной площадке.

– Э-э-э... – выдавил из себя несчастный, увидев в непосредственной близости неземную женщину – всю в белом, воздушном и душистом, с глазами феи, губками ангела и ножками, из-за которых может обостриться язва у мужчины зрелого возраста.

– Вам что? – спросило видение сердитым голосом домоуправа. – Вы ко мне? Что это вы перед дверью топчетесь?

– Э-э-э... – повторил слесарь. Несколько раз сглотнул табачную слюну и добавил: – Вот.

– Вот! – передразнило его видение. – Вы женаты?

– Да, – внятно ответил тот.

– Не представляю, как вам удалось сосредоточиться, чтобы сделать предложение руки и сердца. И вообще, – добавила Лайма совершенно в духе Винни-Пуха, – если вы ко мне, то меня нет дома.

Обошла окаменевшего слесаря, впорхнула в лифт и уехала, оставив после себя легкий аромат мимозы и острое сожаление.

Следующим на ее пути возник сосед Калужников – полковник в отставке, поджарый, седовласый, длинный и нестигаемый, как шампур. Он шел от лотка с прессой, помахивая бульварной газеткой, в которой печатались всякие глупости. Калужников читал все глупости подряд за вторым завтраком, фыркая и качая головой. Иногда он даже дискутировал с авторами и писал гневные отзывы на статьи – у него была неистребимая потребность кому-нибудь противостоять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.